

В. Яблоновскому
вн автору.

И. И. ГАПАНОВИЧ

КАМЧАТСКИЕ КОРЯКИ

Современное положение племени и значение
его оленного хозяйства

2 kolegozbiere profesor
Zakladu Obrębskiej-Jablońskiej
Ofiarowanego
~~Zakładowi Języków Sławiańskich
Uniwersytetu Gdańskiego~~

203

Отпечатано в типографии
A. J. SEREBRENNIKOFF & CO.
TIENTSIN, CHINA
1932

THE KORIAKS OF KAMCHATKA

Present conditions of their living and
the significance of their
reindeer - breeding

918430

Biblioteka
Uniwersytetu Gdańskiego

1100984678

a

By
J. J. GAPANOVICH

Printed by
A. J. SEREBRENNIKOFF & CO., PRINTERS
TIENTSIN, CHINA
1932

D 248/23/10

185

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа основана на материалах, собранных мною во время пребывания на Камчатке в 1918 - 1921 г.г., и может явиться сомнение, стоит ли ее печатать сейчас. Автора, однако, ободряет пример старших коллег, которые публикуют труды, основанные на материалах еще большей давности, кроме того, поскольку можно судить по последним Дальневосточным изданиям, обстановка туземной жизни на русском Севере мало изменилась за прошедшие 10 лет, и с другой стороны, за это время не было опубликовано ничего особенно нового по предмету настоящей работы. Поэтому она своевременна и сейчас, тем более что в ее исторической части использованы сочинения или вообще малодоступные или прямо книжные редкости (как Крашенинников или Слобцов), которые на Дальнем Востоке можно видеть только у немногих библиофилов.

Ниже будет отмечен тот теоретический и практический интерес, который представляет изучение племени коряков; цель этой работы, на основе знания, которое по этому предмету уже имеется, и собственных наблюдений — изобразить современное состояние этого племени, весьма любопытное в хозяйственном и культурном отношениях.

Пекин, 1932 г.

И. Г.

КАМЧАТКА

Z księgozbioru profesor
Antoniego Obrębskiej-Jabłońskiej
Ofiarowanego
Zakładowi języków Słowiańskich
Uniwersytetu Gdańskiego

ВВЕДЕНИЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ КОРЯКОВ

Племя коряков, заброшенное в крайний угол северо-восточной Азии (дальше их живут только чукчи), мало известно в русской науке, не смотря на то, что изучение этой ветви палеазиатских народностей заслуживает внимания, как группы, устойчиво сохраняющей, в силу своего отдаленного местоположения, многие черты первобытной культуры, вымершие повсюду. Такое исследование любопытно еще в том отношении, что здесь, на крайнем северо - востоке Азии, образовался этнический узел, в котором сплелись культурные влияния азиатского и американского материка. ⁽¹⁾ Изучение материального быта, социальной организации и духовной культуры коряков связано таким образом с интересными археологическими и этнологическими проблемами. В довершение всего коряки являются владельцами обширного оленеводного хозяйства, знакомство с которым имеет практическую ценность, как сейчас, так в особенности в будущем.

Нельзя однако сказать, чтобы наука познакомилась с этим племенем недавно: уже в "Описании Земли Камчатской" у Крашенинникова уделено порядочно места состоянию коряков - описание тем более интересное, что было сделано, когда камчатские туземцы еще не испытали действия русской культуры (середина XVIII ст.). Почти через столетие К. Дитмар, побывавший в местах коряцкого обитания, вновь дал живую бытовую картину этого племени, повествуя о своих путешествиях по Камчатке. В более близкое к нам время положение коряков освещено

щало несколько раз попутно с описанием Камчатки. Рассказывая о своих приключениях среди камчатских народностей, это сделал Кеннан, а позже, описывая камчатское население, В.П. Маргаритов, наконец Н. А. Слюнин в работе, суммирующей знания, о Камчатке, отвел также место коряцкому племени. Хотя он и не самостоятелен, но его описание коряков все же ценно, как составленное по сведениям, полученным от людей, непосредственно соприкасавшимися с этими туземцами. Для научного изучения коряков, как и камчатских палеазиатов вообще, настала пора только с американской экспедицией Джезупа, которая на Чукотке и Камчатке была представлена В. Г. Богоразом и В.И. Йохельсоном, изучавшими-один чукчей, другой коряков. Вышедшая на английском языке обширная работа Йохельсона дает богатый материал для интересующих этнологию проблем. В более близкое время вели наблюдения над бытом коряков, интересуясь преимущественно вопросами экономики, путешественники по Камчатке: И. И. Гапанович (на западном и восточном побережьях в 1919-1920 г.г.) и В.К. Арсеньев (в Гижигинском районе в 1922 г.) Шведская ботаническая экспедиция (под руководством Д-ра Стена Бергмана), работавшая на Камчатке в районе Петропавловска в 1921 - 1923 г.г. несколько коснулась и коряков, поскольку члены экспедиции могли наблюдать жизнь кочующих. Экспедиция выпустила описание "страны вулканов и номадов" (т.е. Камчатского полуострова).

В результате этих исследований появилась литература, не только на русском, но и на английском языке; ее список, в порядке путешествий, следовало бы начать отчетом Атласова о покорении Камчатки

около 1700 г.; его опубликовал Н. Оглоблин в Чтениях О-ва Ист. и Древн. Рос., 1891, кн. 3.

Далее следуют:

СТЕПАН КРАШЕНИННИКОВ, Описание Земли Камчатки, т. I и II, СПб. 1786.

К. ф. ДИТМАР, Поездки и пребывание в Камчатке в 1851-1855 г.г. ч. I, СПб. 1901.

К. v. DITMAR, Ueber die Koräken und die ihnen jeht nahe verwandten Tschuktschen, Изв. Рос. Геогр. О-ва, XV, 1856.

ДЖОРДЖ КЕННАН, Степная жизнь в Сибири. Странствия между коряками и другими племенами Северной Азии, СПб. 1871.

В. П. МАРГАРИТОВ, Камчатка и ее обитатели Хабаровск, 1899.

Н. В. СЛЮНИН, Охотско-Камчатский Край, т. I и II, СПб. 1900.

WALDEMAR JOCHELSON, Religion and myths of the Koryak (p. I); Material culture and social organization of the Koryak (p. II), Leyden, 1905-1908.

В. И. ИОХЕЛЬСОН, Этнологические проблемы на северном берегу Тихого Океана, Изв. Рос. Геогр. О-ва, XLV, 1909.

WALDEMAR JOCHELSON, Archeological investigations in Kamchatka, Washington, 1928.

И. И. ГАПАНОВИЧ, Промысел оленя и оленнее хозяйство на Камчатке, Эконом. Жизнь Д.В., 1924, № 6.

И. И. ГАПАНОВИЧ, Основные вопросы этнографии камчатских коряков, Вольн. Сибирь, Прага, 1928.

И. И. ГАПАНОВИЧ, Этнологическая проблема Берингова Пролива, Вольн. Сибирь, Прага, 1929.

В. К. АРСЕНЬЕВ, Гижигинский промысловый Район, Эконом. Жизнь Д. В., 1925, № 5 и № 6.

STEN BERGMAN, *Vulcane, Bären und Nomaden: Reise und Erlebnisse im wilden Kamchatka*, Stuttgart 1926.

О коряках говорили, конечно, также сочинения, о Камчатке более или менее общего характера; пользуясь уже имеющимися сведениями, нового для изучения вопроса они не дают.

Как сказано, коряки оказались под ударами двух этнических волн: с азиатского материка и с американского. В культуре их причудливо сплетаются оба эти элемента, причем в материальной культуре более заметен первый, а в духовной - второй. В религиозном миросозерцании можно встретиться с дуализмом добра и зла, несомненно, азиатского происхождения и некоторыми следами такого же влияния (кровавые жертвоприношения), в культе вообще очень простом. То же надо сказать о пластических изображениях богов, резанных из дерева, которые являются продуктом реалистического искусства, навеянного азиатским духом, в противоположность американской символике. Многочисленные рассказы о герое Kutnipakku вряд ли сейчас представляют что-нибудь большее, чем интересные сказки. В прошлом это был круг мифов, связанных племенным предком „вороном“; индейский характер этих воззрений несомненен. В религии коряков обнаруживаются также эскимосские элементы, именно, поскольку некоторые их праздники связаны с морским промыслом. Можно отметить, как указывает Йохельсон, ⁽²⁾ проявление индейских черт в ряде признаков, характеризующих коряков, начиная от антропологического типа и кончая только что названным „вороном“. Это не мелкие черты, вызывающие слу-

чайное сходство, нет, здесь охватываются целые стороны жизни племени. Внимательное наблюдение открывает в быте коряков, кроме того, менее значительные следы того же влияния: напр. обычай женщин носить ребенка за спиной в мешке, поддерживаемом лямкой на лбу или женская привычка к искусному плетению из прутьев.

Наслоения разных элементов в коряцкой жизни очень затрудняют выяснение происхождения коряков. Но в общем племя развивалось, видимо, так: тунгусские народности наложили свою печать на коряков, когда они еще были обитателями азиатского материка, и познакомили их с оленеводством; североиндейские народности встретили их, когда они (коряки) перебрались на окраину материка, к Тихому Океану, и во время совместной жизни передали им в той или иной мере тип, язык, верования, не затронув материальной базы их существования - оленеводства, чуждой индейцам. Скотоводческая культура коряков более способствовала их сохранению, чем образ жизни бродячих охотников - индейцев, поэтому и сохранилась в неприкосновенности, проникнув в быт и нравы коряков.

Кроме индейского, коряки испытали воздействие эскимосов и поныне носят его следы, поскольку морской промысел береговых коряков создает благоприятную для этого обстановку: эскимосы настоящие мастера этого дела, за ними следуют чукчи, наконец коряки. Последние теряют свои морские привычки, можно сказать, на наших глазах; плаванье их предков от Тигиля к Тайгоносу живет только в рассказах стариков. Палланцы прямо боятся моря, хотя еще все таки охотятся за лахтаками. Эскимосы, пришедшие на Аляску с востока, врезались клином между

палеазиатами и индейцами; двигаясь за отступающим ледником на север и восток, они разорвали связь между азиатским и американским материком. ⁽³⁾ В этот период коряками и были усвоены эскимосские черты.

Характер современной коряцкой культуры не менее интересен, чем ее происхождение. Она носит если не черты мадленской эпохи палеолитического периода, то по крайности черты раннего неолита. Как нынешние палеазиатские племена, первобытный человек жил среди холода, льдов, тундры; его домашним животным был северный олень, шкурами которого он укрывался, мясо которого давало ему пищу. Он пользовался каменным и костяным оружием, тем самым, которое не так давно жило у коряков.

Когда началось отступление ледника, в условиях которого жил человек позднего палеолита, вслед за уходившими далее на север льдами пошел олень, а за ним и человек, приспособившийся к северной обстановке. Палеазиатские племена, в том числе и коряки, оказались на отдаленнейшей окраине Азии, представляя собой как бы археологический музей.

О практическом значении, которое имеет изучение коряцкого хозяйства и использование его главной основы, говорит все последующее изложение, и здесь на этом вопросе можно не останавливаться.

Целый ряд соображений заставляет обратить внимание на это любопытное племя. Если ко всему прибавить, что коряки, в противоположность другим туземцам, хотя бы камчадалам, проявляют стойкость и живучесть, можно признать, что в намечаемых мероприятиях по улучшению быта туземцев, коряки должны занять одно из первых мест.

I. ПЛЕМЯ КОРЯКОВ, ИХ БЫТ И ПРОМЫСЛЫ

Коряки носят платье обычного для Камчатки покроя — все из оленьего меха; такое платье всех делает похожими друг на друга. Если однако в доме, куда зашел коряк, тепло, а коряк имеет рубашку на теле, то он из уважения к русскому хозяину, скинет кухлянку, и перед нами явится довольно стройная фигура. У себя в юрте коряк, конечно, одевается более легко, и если там не холодно, то он остается полуголый. Теперь можно его разглядеть лучше, но только разглядеть. Коряки недоверчиво относятся к записям всякого рода, особенно если они сопряжены с какими-нибудь измерениями его тела; даже фото-съемка кажется им опасной для их личности; был случай, когда сфотографированный коряк пять лет размышлял о том, что и для какой цели было с ним сделано, и кончил психическим расстройством.

Внешний облик коряка имеет мало монгольских черт; перед нами встает фигура северо-американского индейца. (4) Коряки большей частью небольшого роста, чаще — ниже среднего, чем выше. Части тела распределены пропорционально. Руки и ноги небольшие. Телосложение — сухое, но крепкое и жилистое; фигура довольно стройная, перетянутая узкой талией. Цвет кожи — красножелтый, с преобладанием желтизны у стариков и красноты у детей; кожа малочувствительна к холоду. Голова продолговатая, несколько сжатая у висков, законченная узким подбородком, скулы выдаются не сильно, и более вытянуты вниз чем в стороны. Над прямым и тонким, с довольно широкими ноздрями носом поднимается высокий пря-

мой лоб. Глаза широкие, лежат в глубоких впадинах и смотрят сверкающим пронизывающим взором. Верхняя губа приподнята и открывает крепкие, прожелтевшие от табака зубы. Волос черный, густой и мягкий, без блеска; у взрослых волосы подстрижены на темени, точно так же на висках и затылке; усы и борода обриты замечательно гладко. Брови довольно густые и заметные. Шея высокая и жилистая. Выражение лица — открытое и энергичное. Если не обращать внимания на грязь, покрывающую тело коряка, не любящего ни купаться ни умываться, то наружность коряка производит впечатление скорее благоприятное, чем нет. Старики имеют менее привлекательные черты, у малышей чумазые лица смотрят довольно приятно. У женщин встречаются правильные черты лица, но растрепанные волосы и сажа на лице придают им прямо зловещий вид.

Оседлые коряки много теряют в стройности фигуры и привлекательности наружности. Они обыкновенно мелкорослы и непропорционально сложены. У них нет также силы и выносливости; болезненные суб'екты попадают чаще. Монгольский тип лица выражен сильнее: глаза более узкие, скулы более выдающиеся, нос более приплюснутый. Оседлые коряки не носят отличительной прически и не бреют усов. Дети выглядят истощенными; они часто оказываются малокровными, золотушными и рахитичными; встречаются задержки в росте.

Дина Иохельсон имела возможность сделать несколько антропологических измерений среди разных племен северо-восточной Азии; вот результаты этих

измерений для небольшого числа Гижигинских и Камчатских коряков: (5)

	Рост в см.		Длина головы в мм.		Ширина головы в мм.	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
Гижигинские	159,6	141,1	189,3	183,8	151,8	147
Камчатские	162	153	191,8	186	149,7	144,8
	Головн. указат.					
		М.	Ж.			
Гижигинские	80,3	80				
Камчатские	78,1	78				

Коряков на Камчатке насчитывается около 7000 чел. из которых большинство населяет Гижигинский (частью Петропавловский) уезды, распространяясь на запад до линии рек Гижига — Наяхан, а на восток до Тихого Океана, на побережьи которого они попадают до самого Майна — Пыльгин; главный центр Гижигинских коряков — Пенжинский район. Остальные кочуют на юг от Парапольского Дола до Тигиля в Петропавловском уезде, отдельные стойбища попадают южней. Кроме кочующих оленеводов, среди коряков есть оседло живущее и занимающееся рыболовством население на побережьи. Иохельсон, подсчитывавший коряцкое население по родам и селениям, так распределяет его по уездам. (6)

Уезды	Кочующие	Оседлые
Гижигинский	2389	2045
Петропавловский	1284	1391
Анадырский	75	102
Охотский	—	244
Всего	3748	+ 3782 = 7530

Кеннан определил их численность в 5000 ч., а Дитмар в 3200, это очевидная ошибка.

Данные Иохельсона относятся ко времени Всероссийской переписи 1897 г. Новейшие, хотя и не полные сведения Дальневосточного Статистического Управления дают такую картину (1925).

	Гижигин. уезд.	Петропавл. уезд.	Охотский уезд.	ВСЕГО.
Оседлые коряки.	1810	408	254	2.472
Кочующие „	по уездам	не подсчитаны,	всего	около 3.600
				6.072

Сюда не включены ошибочно принимаемые за Камчадалов оседлые коряки западного побережья Камчатки в числе 992; с такой поправкой общее число коряков оказывается 7.064.

Наблюдения над 622 коряками Петропавловского уезда обнаружили такое соотношение полов: 100

мужчин, 75 женщин. Среди них же оказалось детей до 7 лет - 108, молодежи до 18 лет - 128, старше этого возраста - 386.

Оседлые коряки так распределяются по главным населенным пунктам:

Петропавловский уезд.		Гижигинский уезд.			
Ваямполка . . .	183	Ветвей . . .	42	Таловка . . .	80
Кахтана . . .	252	Иткана . . .	149	Тылхой . . .	19
Палана . . .	171	Каменское . . .	196	Хаплино . . .	50
Кинкиль . . .	132	Култушное . . .	228	Шестаково . . .	11
Лесная . . .	254	Куель . . .	58	Речка . . .	17
Подкагерная . . .	28	Липино . . .	37	Вивинская . . .	126
Рекинники . . .	105	Лываты . . .	81	Бухта Корфа . . .	153
Карага . . .	121	Ольховая . . .	151	Опука . . .	146
Кичига . . .	105	Палково . . .	123	Олюторка . . .	51
Вервоям . . .	21	Парень . . .	73		

Кочующие и оседлые коряки отличаются не только образом жизни, но отчасти типом и языком. Не следует ли признавать тех и других за два разных племени? Разнообразие жизни в горных хребтах и береговой тундре уже само по себе достаточно сильно, чтобы повлиять на образование типа и языка; а основной признак — занятие оленеводством вносит еще более сильное различие в быт кочующих и оседлых. Но может быть, этот хозяйственный признак отличал обе ветви коряцкого племени изначала, с момента заселения ими Камчатки? Во всяком случае, это было бы несогласно с явлением, которое наблюдается в этой среде сейчас, когда оскуднение оленьего табуна вызывает у коряка некоторую привычку к оседлости,

Как бы ни было, сейчас мы имеем не две ветви, а одно племя коряков. Странники иного взгляда подчеркивают некоторые пережитки, дающие возмож-

ность резко разграничивать кочующих и оседлых коряков. Говорят, последние относятся к первым с почтением, боятся их (Крашениников): совершенно понятный факт — при той экономической зависимости, в которой безоленные коряки находятся от оленных; это — почтение должника к кредитору, не больше. Указывают, что только у оседлых коряков подземные жилища (Иохельсон): совершенно понятное явление в голой местности, лишенной даже кустарника, каково северо-восточное побережье Камчатки. Это не мешает оседлым корякам, живущим на западном побережье, где леса больше, устраиваться с лучшим удобством.

Больше оснований имеет за собой деление коряков по районам обитания: различаются палланские и укинские, каменные и паренские, олюторские, наконец, керэки. Эти группы отделены трудно преодолимыми преградами — хребтами или тундрой и, естественно, развивались изолированно друг от друга. А большая или меньшая отдаленность от моря охраняла их в разной степени от русского воздействия, и создавала, следовательно, условия для дальнейшей выработки разных культурных типов. Поэтому каменный коряк напр. отличается от палланского даже по языку больше, чем палланский коряк, живущий рыболовством, от своего кочующего соседа, занимающегося оленеводством.

Из этих групп укинцы сильнее других смешались с камчадалами, а потом подпали русскому влиянию и в результате почти утратили племенные черты, даже язык. То же наблюдается среди палланцев, но в малой степени, распространившись только на бытовую обстановку; на языке это не сказалось.

Язык является более существенным признаком, помогающим различить внутреплеменные группы коряцкой народности, это различие, конечно, имеет относительный характер, так как внутри наречий существуют говоры чуть не в каждом стойбище или селении.

Оленеводство дает коряку пищу, одежду, жилище в виде мяса, шкуры, кожи, подобно тому как все существование прибрежного жителя держится на рыболовстве и морском промысле: кочующий кормится мясом, оседлый коряк — рыбой и, несмотря на избыток пищи, у того и другого сказывается старая привычка — по выражению Крашенинникова — к “звероядне”; мозг оленя напр. поедается сырым; сырая головка рыбы тоже считается лакомством. Кочующий коряк ходит в кухлянке и торбасах из оленьей шкуры, оседлый — в нерпичьих броднях и камлейке из рыбьей чешуи. Продымленная оленья кожа, ровдуга, дала кочующему населению прекрасный материал для конической юрты, тогда как прибрежное население довольствуется подземным жильем, с выходом наверх.

Коряцкое жилище и его обстановка приспособлены так, что могут быть собраны в несколько часов, если хозяин должен передвинуться в другое место в поисках корма для своего табуна. Коряцкая юрта имеет вид круглого шатра и построена из оленьей ровдуги, натянутой на стойки; она разделяется на два полога (один для гостей), между которыми устроен очаг, под широким отверстием вверху юрты. Любопытно устройство в подземном жилье дымохода, сделанного так, чтобы падающий снег,

отражаясь от его стенок, никак не попадал в юрту, хотя она ничем не закрыта. Площадь юрты 60 - 80 кв. м. при высоте 2-3 м.; материала для такого жилья надо немало.

Убранство юрты самое простое, так как оно не может быть создано своими средствами, а приобретается от купцов, и след. не всем доступно. У богатого хозяина можно увидеть и такие предметы, которых мы никак не ожидали бы в этой среде, напр. граммофон.

Обитатели юрты одеты в кухлянки (верхнее платье) или кагагли (нижнее) и более или менее широкие шаровары (особенно у женщин). Платье, понятно, надевается на голое тело, а при жаре и оно снимается, и хозяева остаются полунагими. Сношения с русскими принесли привычку к ношению рубашек, каковые для женщин, впрочем, по прежнему считаются роскошью.

Подле юрты стоит несколько больших нарт, груженных разным хозяйским скарбом, и пара очень легких и изящных нарт для переездов самого хозяина. Здесь же спрятаны небольшие идолы покровителей оленеводства.

Все очень грязно и прокопчено дымом очага — одинаково и жилище и его обитатели, которые вечером, при багровом свете пламени, сидящие полунагими на полу, при первом знакомстве производят весьма эффектное впечатление. Эти люди усиленно заняты, особенно, если в юрте есть гость — едой и питьем. Едят, конечно, мясо, а пьют - кирпичный чай, поглощаемый в поразительном количестве; его пьют в любое время дня и даже ночью. Более редкое здесь лакомство — сахар и сухари, завезенные гостем.

Внешняя обстановка, в которой живет оседлый коряк, пожалуй, хуже, чем у кочующего: сидячий коряк больше соприкасается с русской культурой, и в его быте найдется кое-что воспринятое от русских; но сидячий коряк не имеет такой основы для своего хозяйства, как оленеводство, и потому живет более скудно, чем его кочующий соплеменник. Бедная русская утварь, лохмотья русской одежды, слабое подражание русскому жилью (кое — как сколоченный дом), все эти русские элементы быта еще более подчеркивают общую бедность жизни оседлого коряка.

Его жилище — разнообразно: то подземная яма, в которую надо спускаться по лестнице, то земляная юрта, непритязательное, но теплое жилье, то холодный деревянный домишко с окнами, затянутыми рыбьим пузырем. Во всех этих жилищах для бедных хозяев слишком много места: их жилье пусто и неуютно.

Оседлые коряки одеваются подобно кочующим: те же кухлянки и шаровары, только похуже выработанные и более поношенные. Весьма “самобытно” платье, в которое одевают младенцев: это комбинация из оленьей кожи, род глухого мешка, в который вкладывают ребенка, остающегося в таком виде целыми месяцами; можно представить себе чистоту такого белья, несмотря даже на вложенный туда мох.

Питание оседлых коряков значительно хуже, чем у кочующих: мясо им перепадает не часто, больше приходится жить на “юколе” (сушеная рыба), изредка лакомься плохо посоленной (а потому несколько гнилой) рыбой. Мясо и жир морских животных —

лахтака, нерпы, составляют важную часть пищи оседлого коряка. В общем он всегда недоедает; нужда заставила его обратить внимание на овощи — не только дикорастущие, как черемша и сарана, но и огородные, как картофель.

Коряцкое стойбище состоит из 3 - 5 юрт, расположенных на какомнибудь увале в защищенном от холода и ветра месте. Летом коряки уходят далеко в хребты, к зиме спускаются с них и стоят неподалеку (30 - 50 км.) от селения, с которым они поддерживают деловую связь. Несмотря на постоянные перекочевки, коряки все же тяготеют к одному какому-нибудь району, и даже стойбища их располагаются приблизительно в одном месте, так что их легко разыскать (конечно, местному жителю). Олений табун стоит более или менее близко к жилью хозяина в зависимости от наличия пастбища.

Иной вид представляет селение оседлых коряков: оно гораздо больше (10-20 жилищ, в окамчадаленных районах 30 - 40). Оно издалика дает знать о себе неистовым воем, который поднимают местные собаки, почуяв приближение чужих собак. Балаганы для сушки рыбы перед селением, кучи разных (особенно рыбных) отбросов в самом селении — первое, что попадает на глаза путнику. Если он попал в район, близкий к прежнему административному центру, то можно будет еще увидеть развалившиеся заборы и покосившиеся амбарчики, которые прежде строились жителями в порядке начальнического приказа.

Летом жители переходят ближе к устью; самые же селения сохраняются очень устойчиво, частью со времени завоевания Камчатки.

Все коряки занимаются звероловством и в разной мере рыболовством; а оседлые — сверх того, морским промыслом.

По распространенному на Камчатке мнению, коряк — превосходный зверовой охотник и замечательный ружейный стрелок; это не совсем верно. Коряк, правда, бьет медведя с 3-х шагов, что обнаруживает в нем храброго охотника; но подпускает он медведя так близко потому именно, что стреляет плохо. Менее, чем сто лет назад администрация еще должна была понуждать население к употреблению огнестрельного оружия, раз'ясняя его превосходство над луком. Ружья теперь распространились повсюду; но мало того, что это устарелое и расстрелянное оружие; оно еще слишком дорого, а следовательно, и не всякому доступно. Сейчас в большом ходу берданка; коряк стреляет из нее с упора, а с руки попадает плохо. И поныне порядочная часть пушнины добывается не ружьем.

Больше всего коряки охотятся за лисицей, как достаточно ценным и сравнительно легко промышленным зверем. Средний охотник добывает за зиму от 3 до 5 лисиц; хороший даже 8 - 10 штук. Лисица добывается ружьем, капканом и выкапыванием. Ружьем — реже всего, более часто — капканом; но к концу зимы лисица становится осторожной и неохотно идет на приманку; притом капканов, как и ружей, у охотников недостаточно: обыкновенно есть 1 - 2, редко у кого 3 - 4. Предпочитается поэтому, особенно оседлыми коряками, более простой способ охоты. Охотник, а еще лучше несколько, выслеживает лисицу, находит ее нору и начинает копать; когда он доберется до лисицы, быстро хватает ее, оглу-

шает палкой и бросает собакам, которые ее тотчас делят.

Значительно труднее охота на соболя: здесь одно ружье не годится, так как пуля испортила бы ценную шкурку, нельзя и копать его, так как этого быстрого зверька не удержит не только человек, но и собака. У оседлых коряков добыча колеблется между 6 - 10 соболями на селение в бедном районе, 40 - 50 соболями в богатом районе; в отличие от оседлых, отправляющихся на охоту группой, кочующий идет на промысел один и добывает бедно-бедно двух соболей. Охотники, запасшись сеткой и собакой, живут в лесу целыми днями, иногда неделями, терпя стужу и часто голодая, пока собака не выследит соболя. Охотники преследуют его, пробираются на лыжах сквозь густые поросли кедровника, бегают до наступления темноты. Но вот они настигают соболя у норы; около нее протягивают сеть, стараясь растянуть ее возможно больше. Начинают стучать по норе, выгоняя оттуда соболя; он выскакивает и попадает в сеть.

При охоте на соболя решающая роль принадлежит инстинкту зверовой собаки, а затем уже проворству охотника. Зверовых собак однако мало, да и те, которые есть, носят это звание без достаточных оснований; обучаются они не хитро: хозяин дает собаке добытого соболя и приучает кусать его.

Кроме лисицы и соболя, коряк охотится за разным зверем: медведем, песцом, лисицей ценных пород (сиводушкой и чернобуркой), росомахой, рысью, тарбаганом, горностаем, зайцем. Весь этот промысел имеет немаловажное экономическое значение, хотя труд отдельного охотника вознаграждается не

слишком высоко, а иногда и вовсе не вознаграждается — в случае неудачной погони за соболем. Но коряк — зверолов в душе; поэтому итти зимой в лес для него обязательно, а переносить лишения — пустяк в сравнении с приятностью охоты.

Оседлые коряки занимаются морским промыслом: бьют ластоногих животных: сивуча, лахтака, нерпу, ларгу, акибу, в Гижигинском районе—китов. ⁽¹⁾ Лучшее время промысла — весна и осень. В апреле, как только начнет таять лед, отправляются в море на большой “байдаре”, в составе 8 гребцов. Лахтаки греются на больших льдинах, далеко от берега, и конечно, скроются, если “байдара” подойдет близко; стрелок незаметно подплывает к лахтаку в маленькой “байдарочке”, прикрываясь еще белой камлейкой, и бьет зверя становясь на ноги в своей валкой лодочке; несмотря на последнее обстоятельство, стреляет спокойно и хорошо. Убитого лахтака укладывают в байдару и пластают на устьи или на месте улова. Тут то и наступает момент, из за которого эта охота считается самым приятным промыслом: охотник вонзает в убитого лахтака нож, вытягивает кусок жира и отправляет его в рот. Кроме мяса и жира, лахтак дает крепкую кожу, которая идет частью на подошвы, ремни и т. п., частью на обшивку самой байдары. Так охотятся на Западном берегу, где приходится уходить далеко в море; на Восточном берегу, пологом и песчаном, лахтак можно бить, не пускаясь в море.

Охота на нерпу много проще, потому что этот зверь подходит близко к берегу и во время отлива остается на песке; охотник бьет нерпу роговым „зубом,” укрепленным на веревке; зуб вонзается в зве-

ря, и охотник тянет нерпу на берег, впрочем, на нерпу охотятся также с сеткой и ружьем, а в крайности — палкой.

Морской промысел — по преимуществу групповая охота; промысловая добыча распределяется между охотниками всего селения. А селение за сезон может убить 5 - 10 лахтаков и 400 - 500 нерп, если близко хорошее ложбище.

Охота на байдаре заставляет уходить в море, где весной бывают туманы, а осенью штормы; плавать здесь небезопасно и сбиться с пути легко. Об опасности утлой байдарочки нечего и говорить. Пускаться в море на таких судах тем более опасно, что коряки сами не умеют плавать; но любовь к промыслу оказывается сильнее страха, который они, несомненно, испытывают перед морем — это не их стихия.

Наряду со звероловством, важнейший промысел коряка составляет рыболовство. Оседлые коряки являются лучшими промышленниками, чем кочующие, которые ловят рыбу где-нибудь в верховьи реки. Коряк дает целого оленя оседлому соплеменнику, не требуя взамен ничего, кроме пластинки юколы для корма собак. В реки Камчатки заходит рыба лососевых пород: кета, красная, кижуч, чавыча, горбуша; в местах коряцкого обитания главную добычу дают кижуч и красная. Рыба других пород добывается в малом количестве. Промысел хорошего хозяина колеблется между 1000 - 2000 штук, не поднимаясь при самых благоприятных условиях (большая семья) выше 3000 штук; из них малая часть продается рыбопромышленнику, а остальная погребляется хозяином и его собаками, последними даже по преимуществу. В среднем коряцком селении (с 20 - 30 хозяевами, имею-

щими по 8-12 собак), расходуется на корме собакам до 50.000 шт. рыбы в год; при таком использовании рыболовства не приходится ожидать от населения особой предприимчивости или трудолюбия: для кочующего, который держит собак много меньше, чем оседлый, рыболовство имеет и меньше важности.

Приемы рыбного промысла разнообразны; меньше всего практикуется ловля рыбы неводами; во-первых, их мало, во-вторых, тут требуется со стороны ловцов труд, что не по душе коряку. Меньше труда требует „запор”, т. е. перегораживание реки запрудой. Простейшая из них, применяемая на Восточном берегу, имеет окна по краям, которые поднимаются во время прилива и входа рыбы в реку и опускаются во время отлива, когда вода уходит, а рыба остается и может быть собрана руками, т. к. реки сами по себе мелководны. На Западном берегу употребляется запор, состоящий из морды (решетчатая корзина) и колпака (такие же стенки); рыба, идя против течения, отталкивается от стенок колпака и попадает в морду, чему содействует также ловец, пугающий рыбу шестом. Некоторые приемы лова — проще простого. Вот как ловят чавычу: выждав, когда спадет вода в реке, бросают в глубокие места всякий мусор, заражающий воду; рыба устремляется вниз, застревает на мелких местах, где ее бьют зубилом. Те коряки, которые не умеют строить никаких, даже простейших запоров, ловят рыбу, вытаскивая ее прямо руками из воды, в мелком месте, так же как это делает лапами медведь.

Выразить цифрами пушную и рыбную добычу, сдаваемую коряками на рынок, а в зависимости от этого определить ее значение в народно-хозяйствен-

ном доходе Камчатки, весьма затруднительно. Нельзя сказать, какая часть пушной добычи поступает в казенные склады от других туземцев, живущих в коряцких районах — камчадалов и тунгусов. С другой стороны — в тех же районах лишь на немногих реках были рыбалки, принимавшие рыбу от жителей, и только здесь возможен ее учет.

Наши сведения по необходимости будут отрывочны. В Гижигинском уезде имеются 5 факторий Дальгосторга, сбор пушнины и рухляди в которых оказался в 1924/25 г.г. приблизительно на 140.000 зол. руб.; такой сбор является слабым, и действительная емкость рынка тут больше, до 185.000 руб. (8)

Фактории	Добыча плохого года		Добыча хорошего года	
Наяхан	36,000	руб.		
Гижига	30,000	„	65,000	руб.
Каменское	33,000	„	70,000	„
Б. Корфа	12,000	„	75,000	„
Олюторка	18,000	„	25,000	„
Б. Натальи	11,000	„		
	140,000	руб.	185,000	руб.

Из собранной добычи 75% падает на рухлядь, остальное на пушнину, которая преимущественно состоит из белки (5.000) лисицы (2.000), горноков (1.500). Белка доставляется большей частью тунгусами, лисица — коряками.

Учесть добычу, получаемую коряками от рыболовства, еще труднее, чем добычу пушного промысла: большая часть ее потребляется в хозяйстве коряка и лишь немного идет в продажу, разумеется, в тех местах, где бывают рыбалки. Добываемая ры-

ба — разные экземпляры лососевых пород; ее прежняя цена 15 - 20 зол. коп. штука, а теперь еще ниже. Вот данные о добыче рыбы в местах, где были рыбалки, за разные года:

Реки	Добыча	Год
Гижига	41.684 шт.	1923 г.
Пенжина	29.742 „	1924 „
Карага	16.000 „	1925 „
Кичига	25.000 „	1925 „
Тиличики	3.500 „	1925 „
Олюторка	10.000 „	1923 „
Паллана	42.688 „	1923 „

Как сказано, обстановка коряцкого жилья очень скудна; не велик и его домашний обиход. Из утвари коряк нуждается в немногом; все, что выходит за пределы необходимости, появилось недавно и приобретается от русских. Иное дело — орудия промысла, нужные всякому хозяину; их больше числом, и в них встречается больше остатков далекой старины. Сюда относятся деревянные запоры и крапивные сетки для лова рыбы, костяные гарпуны и зубья для лова нерп, лук и стрелы при охоте на крупного зверя; последние сейчас не применяются широко, но живут еще в виде самострелов, употребляемых при охоте на мелкого зверя. Такие предметы обихода, как ножи, топоры, молотки, долота — сплошь покупные, и население в них очень нуждается. Недостаток оно восполняет своими средствами; кузнечное ремесло здесь известно давно. До сих пор каменные и паренские коряки превосходно обрабатывают железо, все кочующие умеют ковать ножи. В более глухих местах сохранились каменные орудия: легкие топоры,

молотки, ножи, и всюду употребляются каменные приборы для строгания дерева и скобления кожи.

Среди скудного домохозяйства коряка заметно выделяются перевозочные средства — нарта для зимней дороги и бат для речного пути. Нарту и сколько нибудь собак должен иметь каждый коряк; бат нужен оседлому, да и то имеется лишь у хорошего хозяина.

Нарта имеет в длину около 2 м., высоту около 0,3 м. В передней части укреплен дугообразный варан, чтобы подтягивать нарту рукой. Нарта запрягается любым количеством собак, но полная запряжка состоит из 12 собак. Ездок управляет без вожжей, понукая собак голосом; звуки, приноровлены к собачьему лаю. Собаки идут быстро и при благоприятных условиях проходят до 150 км. в день. Собаки у кочующих хуже и меньше числом.

Кочующие больше ездят на оленях. Оленья нарта легче и выше; варана нет; зато в задней части она имеет место для сидения; вся постройка очень изящная. Запрягаются два оленя; для управления служат вожжи и хлыст. Такая нарта идет еще быстрее, чем нарта обычная. Сами коряки любят быструю езду и соперничают в ней, как в дороге, так особенно на гонках, устраиваемых во время праздников и ярмарок. Другой предмет гордости у хозяина это — бат. Много пользоваться им не приходится, так как плавают не так далеко и не так часто. Бат выдалбливается из большого дерева, до 4 м. длиной. Управляют им при помощи длинного шеста, и работа рулевого довольно затруднительна. Бат идет по течению очень быстро; против течения его приходится подталкивать шестами.

II. КАМЧАТСКОЕ ОЛЕНЕВОДСТВО.

Оленеводство на Камчатке с давнего времени являлось материальной основой существования кочующей группы местного населения — коряков и чукчей; так было при появлении на Камчатке русских завоевателей, так осталось и сейчас. Любопытно бросить взгляд на прошлое камчатского оленеводства, чтобы увидеть в дальнейшем, как мало перемен произошло за два века и в хозяйстве и в жизни оленеводов. Охарактеризуем это отдаленное время словами первого исследователя Камчатки — Крашенинникова, посетившего ее в середине XVIII в.: ⁽⁹⁾ “Коряки живут по таким местам где моху довольно, которым питаются олени их, невзирая на то, что водой и лесом скудно.”

Границы их кочевания, по указаниям Крашенинникова: Тихий океан на востоке, реки Пенжино и Омолон на западе, Анадырь на севере, Лесная и Карага на юге.

Оленей, по его подсчету, имеют по 10.000 и более того. Тайон Этель имел 100.000 голов.

“Если коряк лишится своих оленей, то беднее камчадала бывает. Нет ему другого способа к пропитанию, как задаться в пастухи к богатому, ибо рыбы промыслять он не умеет.”

“Владельцев до покорения Российскому скипетру у них не было, потом власть некоторую имел тот, кто был оленями богатей.”

Коряки “довольствуются звероядиной и мертвечиной, чего в таком великом множестве случается со излишеством. Оленей не доят и молоком пользоваться не знают.”

„Кожи выделывают лучше и мягче камчатского. Шьют оленьими станowymi жилами.“

„Ездят на оленях только в зимнее время, а летом, по примеру тунгусов, как сказывают, не умеют ездить.“

„Оленные коряки не имеют праздников, а сидячие празднуют в одно время с камчадалами, но кому и для чего, мало ведают.“

Принося в жертву оленей, "кому сию жертву приносят, сами не знают. Горам и рекам, где по их суеверию живут дьяволы, жертву дают.“

„Зимнее их житье в отношении камчатского гнусно и безпокойно.“

Необ'ятные моховые тундры, залегающие в центральной части Камчатки и поныне дают превосходные пастбища домашнему оленю и являются естественной территорией местного оленеводства. Оно распространяется поэтому на северную половину Камчатского полуострова, доходя до селений Сопочной на юго-зап. и Караги на юго-вост., врезываясь также клином в район хребтов между долиной реки Камчатки и западным берегом. Гижигинский район — вторая обширная территория оленеводства, с прилежащей тундровой частью Охотского и Анадырского побережий. Наконец, внутренняя, свободная от хребтов, часть Чукотки, переходящая в тундру Колымского края — третий район оленеводства. Низменные, поросшие оленьим мхом, лишённые глубокого снегового покрова пространства наиболее пригодны для оленеводства: таковы Парапольский дол на северной границе Камчатского полуострова, так наз. Центральная депрессия (понижение) между реками Гижигой и Анадырем. Отмеченные географи-

ческие районы различаются также по промысловым признакам, по размерам табунов и по племенной принадлежности оленеводов.

Число оленей, находящихся на Камчатке в прирученном виде, очень велико, точного подсчета не было ни прежде, ни теперь, но кое-какие ориентировочные данные имеются. По исчислениям Гл. Ветерин. Управления за 1913 г. при общем количестве в России 1.621.913 домашних оленей, (сейчас в ней 2.180.000) оленей на Камчатскую губ. падало 686.679 гол. Ей значительно уступали Тобольская губ. (439.725) и Архангельская (428.973), самые крупные по оленеводному хозяйству (сейчас 680.000 и 550.000 оленей). Якутская обл. располагала только 49.240 гол. (в Колымском крае), в остальной Сибири олени насчитывались только тысячами. (1⁰) Принимая во внимание и численность табунов и густоту оленей в определенных местах Камчатки, приведенную для нее цифру никак нельзя признать преувеличенной. Интересно сравнить ее с величиной оленьего стада в других северных странах: на Швецию приходится 276.084 гол., на Норвегию 142.627 и Финляндию 125.702.

Оленные табуны в Петропавловском уезде Камчатской губ. доходили до 15.000 — 20.000 гол., в Гижигинском до 12.000 — 18.000 и Чукотском 6.000 — 10.000. Конечно, это исключительные случаи, но все таки средний коряк не слишком давно владел 2000 — 5000 оленей, а табун в 10000 гол. не был очень большой редкостью. Табуны чукчей — несколько меньше, а у так наз. ламут они совсем малы и исчисляются сотнями голов.

Статистика Камчатского оленеводства, как правильно указывает С. А. Грюнер, весьма условна, и

пока еще никто к ней не подходил с точными приемами, им рекомендуемыми. ⁽¹¹⁾ Можно остановиться на цифре 700 - 800.000 гол. для камчатского стада, на чем соглашаются все писавшие об этом авторы. Больше разногласий являлось при распределении его по уездам, и здесь цифры Грюнера не более надежны, чем прочие. Приемы, им предложенные, вряд ли когда либо применялись на деле автором, сколько мне известно, не выезжавшим никогда из Петропавловска; поэтому он "назначил" на некоторые уезды такие табуны, что их многочисленные владельцы давно бы умерли с голода, если бы Грюнеровские цифры не относились к области "сочинительства" (в чем он упрекает других авторов).

В самом деле, люди, прожившие по несколько лет на западном и восточном побережья Камчатки (в том числе я), могли назвать поименно 4 - 5 коряков на одном берегу и 10 - 12 на другом, у которых, вместе взятых, стадо вдвое больше, чем предположенное Грюнером для всего Петропавловского уезда. С другой стороны, 6000 чукчей никак не могут получить необходимого им материала для „иранг“ и пищи при указанной Грюнером цифре стада для Чукотского округа. Но в Коряцком округе — не 15 упомянутых табунов, а в Чукотском — кочующих, возможно, гораздо больше, чем 6.000 : по последним сведениям, 12.000. Поэтому близки к истине такие цифры.

Уезды	Число оленей.	
Петропавловский	100.000	} Коряцкий и часть
Охотский . .	62.000	
Гижигинский .	396.000	} Чукотского округов
Анадырский . .	100.000	
Чукотский . .	200.000	} Чукотский округ.
	858.000	

Эти весьма приблизительные цифры подтвердились новейшей статистикой, очевидно, основанной на переписи 1926 - 1927 г. и дающей 300.000 оленей для Коряцкого округа и 500.000 для Чукотского.

Как ни просто оленеводство по сравнению с другими видами животноводства, все же оно требует порядочно забот от хозяина-туземца, располагающего малой рабочей силой, не обладающего современными знаниями и не могущего к тому же преодолеть природной лени. Хозяйство ведется так, что его развитие никак нельзя ставить за счет заботливости хозяев, а можно объяснить лишь громадностью живого материала, на котором это хозяйство зиждется. Так велось это хозяйство и столетиями назад.

Малосемейность туземца заставляет возложить окарауливание табуна на подростков, а если он очень велик — на наемных пастухов из числа обедневших оленеводов, т. е. пастухи или еще должны привыкать к оленеводству или уже успели показать себя плохими хозяевами. Как ни послушны олени, все же пасти табун в несколько тысяч голов пяти — шести сторожам затруднительно, а потому он часто разбредается по тундре и становится добычей охотника или зверя, как это бывает около Тигиля. От хищного зверя опасность невелика: волков на Камчатке мало, и они нападают на табун лишь в случае крайнего голода. В этом отношении гораздо больше приходится бояться собак, когда табуны стоят близко к оседлым туземцам или когда последние приезжают к кочующим: одна собака способна разогнать табун в тысячу голов.

Приискание корма для оленей в моховой тундре не такое пустое дело, как с первого взгляда кажет-

ся. Надо найти место, где снег не слишком глубок, где мох не покрылся льдом; бывают снежные или ветряные зимы, когда олени гибнут тысячами от бескормицы, не будучи в состоянии добраться до мха. Не безразлично также, каким мхом будут олени питаться, так как на Камчатке его различают по питательности 5 видов (ботанически различаются *Sphagnum*, *Dicranum*, *Bryum*, *Polytrichum*, *Hylacomium*).

Этим вызываются постоянные перекочевки оленеводов на громадные расстояния, и чем дальше идет время, тем больше становится район кочевания, так как запасы мха в тундре хотя и очень велики, но все таки истощаются. Во времена Крашенинникова коряки не заходили южнее линии Лесная — Карага; сейчас они кочуют на 600 км. южней. Летом приискание корма облегчается, так как ко мху в качестве оленьего корма прибавляются лишайники (*Cladonia*), осока (*Eriophorum*) лютик (*Ranunculus pallasii*), кипрей (*Epilobium unguistifolium*), разного вида ягоды (голубица), наконец прутья ивняка и кора березы.

Куда бы ни заходил кочующий со своими табунами, на берега ли океана, в горные ли хребты, во всяком случае к марту — апрелю он должен спускаться в долины, защищенные от холода, так как в это время самка приносит оленят, и там где не удастся укрыть их от мороза, как это бывает на Чукотском пол., они гибнут тысячами; выпоротки большей частью таким путем и получают: это преимущественно шкурки детенышей, погибших от холода тотчас после появления на свет. Оленята не требуют особого внимательного ухода: через 10 дней новорожденный

начинает бегать за матерью, молоком которой он питается в течении года. Как видно из специальных названий, коряки различают в своих табунах самцов и самок разного возраста (до 5 лет). На втором или третьем году молодая самка начинает давать приплод; на третьем же году можно холостить бычков, если их предназначают для езды в упряжке. Оленевод понимает значение приплода и охраняет самок от излишнего истребления: исключительный случай (особое уважение к гостю), когда хозяин убьет самку. Продолжительность жизни оленя 10 - 15 л., самый хороший олень 5 - 6 ти лет; все это также принимается во внимание при убое. Важнейшие моменты оленеводства — кастрация бычков, выполняемая самым первобытным способом в мае, и скрещивание самцов с самками, производимое в октябре.

Наиболее забот оленнее хозяйство требует от владельцев, когда наступает летняя жара и тундра кишит комарами и оводами, а позже мошкой, - не дающими оленю покоя и могущими повергнуть в панику целый табун. От них приходится спасаться, уходя или в хребты (обычно), или к берегу океана (на Чукотском пол.), где прохладней и спокойней. Перекочевка, впрочем, не избавляет оленя от преследований овода 2 - х видов: он откладывает свои личинки или в носовой полости, или под кожей животного, где эти личинки проходят период развития. Таким образом получается оводная болезнь оленя, проявляющаяся двойко: или образуются язвинки в горле (*Cephenomyia nasalis*) или изъязвляется кожа (*Oedemagena Tarandi*). Овод первого вида особенно раздражающе действует на оленя.

Говоря об этом обстоятельстве, мы вступаем в

область вопросов, связанных с оленьими болезнями, которых оказывается довольно и перед которыми оленеводы совершенно бессильны. Оленьи болезни на Камчатке были предметом исследования доктора Н. В. Слюнина, а позже магистра С. А. Грюнера.

Кроме оводной болезни, которую можно считать постоянным явлением в оленеводстве, стационарный характер имеет оленья чесотка (*Dermatitis*), развивающаяся от поражения животного особого рода клещем (*Sarcoptes scabiei* по Грюнеру). Болезнь сопровождается выпадением шерсти и поранениями обнаженной кожи, которой олень трется, чтобы избавиться от боли. Болезнь длится долго и весьма заразна. Особенно опасна копытная болезнь, от которой гибнут иногда десятки тысяч оленей. Она начинается нагноением копыта, а в дальнейшем всегда связана с поражением легких и выделением гноя. Гибель животного наступает через 3-4 дня. Причина болезни точно не известна; по мнению некоторых исследователей, она походит на ящур рогатого скота. Еще у оленей встречается пироплазмоз (выделение кровавой мочи) и воспаление мозговых оболочек, вызванное срезом и сломом рогов, опухоль рогов, поражение глаз (*Keratitis*). Часто отмечаются болезни, вызываемые глистами, зародышевые формы которых (червь *Cysticercus* по Хадвену) попадают во внутренности оленя вследствие близости к собакам; встречаются также поражения легких и желудка другими червями.

Болезни наносят огромные потери оленьим табунам, и необходимость правильной организации ветеринарной помощи в стране оленеводства очевидна.

Между тем она очень слаба. До 1917 г. весь Камчатский Край обслуживался ветеринарным инспектором и двумя ветеринарными врачами (один в Чукотско-Анадырском Крае). С началом революции прекратилось и теоретическое исследование оленеводства и практическая деятельность по оказанию помощи: долгое время вся местная ветеринария заключалась в одном фельдшере, жившем в Петропавловске — 500 км. от ближайшего оленьего табуна. С 1923 г. ветеринарная помощь вновь организуется на Камчатке.

Общая ценность живого инвентаря оленного хозяйства очень велика; принимая во внимание аляскинские цены на оленя, убиваемого на мясо (70 - 100 зол. руб.) и покупаемого под вьюк (180 - 200 руб.), и считая, что в камчатских условиях они могут быть понижены в 5 раз, (если исходить из стоимости пуда оленьего мяса в 4 руб.) ценность оленьего стада на Камчатке, с точки зрения его торгового значения, можно определить в 10.000.000 зол. руб., а по значению для скотоводства вообще она доходит до 20.000.000 зол. руб. При такой ценности оленеводного капитала, его доходность оказывается незначительной; не превышая 300.000 руб. в год, она только дает 1,5% на основной капитал.

В камчатских условиях значение оленеводства этой цифрой однако, не исчерпывается—важно не только, что дает оленеводство, а как им пользуются. В быту коряка продукты оленеводства используются во всех отношениях. Оно дает мясо, шкуру, так называемое барахло и ровдугу.

Оленье мясо потребляется в большом количестве и дает в северной части края зимнюю пищу, как кочующему населению, так и оседлому. Семья богатого оленевода съедает оленя в 3 - 4 дня, а в год убивает до 100 гол. Зажиточные семьи из русского или туземного населения вывозили от коряков до 60 оленей за зиму. Общее число оленей, убиваемых по Камчатке на мясо, доходит до 60.000 гол., если не больше; покупная цена еще недавно была: олень - 2 кирпича чаю (1 руб. или соответственное количество других товаров).

Мясо поедается исключительно вареное и предпочтительно жирное (обыкновенно мясо варится плохо). Существуют и специальные кушанья, иногда на наш вкус совершенно несъедобные, напр. „монаяло,” род похлебки из крови и содержимого желудка, вынутого из убитого оленя.

Жирный олень, естественно, особенно ценится, и почетному гостю убивают отборных экземпляров, у которых слой жира доходит до 4 - 6 см. При недостатке наружного жира, пользуются костным жиром, либо извлекаемым из трубчатых костей, либо полученным от раздробления мелких косточек. Жир входит в кушанье, которое считается десертом - „толкуша”, приготовленная из тундровых ягод (голубица), приправленная сладкой травой (кипрей) и залитая жиром. Весьма ценятся оленьи языки; ради этого иногда убивался целый олень, мясо которого бросали (это, впрочем, делали не коряки, а русские).

Головной мозг оленя поедается в сыром виде; о потреблении крови уже сказано.

Как ни много дает олень в смысле питания, однако как мясное (и тем более молочное) животное, он ценится недостаточно, особенно где его много: в районе Тигиля напр., где стояли громадные оленьи табуны, оседлые жители били оленей, не жалея их, ради шкур — и подорвали здешнее оленеводство; с такими же приемами и результатами подходили к этому хозяйству местные власти при сборе налогов.

Шкуры оленя дают весьма важную статью дохода в оленеводстве. По ценности различаются „постели“, шкура взрослого оленя, „пыжики“, нежная шкурка молодого оленя, „выпоротки“, мех утробного или погибшего после родов детеныша. Продажная цена на первые 50 коп., на вторые 1 р. 50 коп. а на третьи 1 руб. Количество их, обращающееся на местном рынке, громадно. Приблизительно половина шкур потребляется в обработанном виде — как кухлянки и мелкие изделия, что повышает доход от них.

Кухлянка (верхнее платье) и кагагля (нижнее) шьется из оленьих шкур, с подкладкой из них же и представляет собой род дохи, надеваемой через голову. Шкуры, предназначенные для кухлянок, подвергаются продолжительной обработке: сначала скоблятся от жира и мяса, потом размягчаются особым камнем („халбало“), подкладка окрашивается в кирпичный цвет (отваром из ольховой коры), а наружная сторона — в черный (при помощи промывки золой).

Для дубления шкуры пользуются веществами, находящимися под рукой. В результате такой простой, но долгой обработки, достигается однако прочная и изящная выделка, а если кухлянка снабжается вышитым подолом („опован“), получается наряд на

загляденье. В зависимости от качества обработки, изящества вышивки, стоимость кухлянки колеблется от 15 до 40 руб.; кагагля стоит 5 - 10 руб.

Оленья шкура, снятая с голени („камас“), идет на шитье торбазов, - меховые сапоги, которые изготовляются вышеописанным способом, с тою особенностью, что здесь необходимо достигнуть очень мягкой выработки; при этом в ход пускаются не только руки, но и зубы. Пара камосных торбазов ценится 3 - 5 руб. Подолы кухлянок либо выделываются узором из кусочков шкуры, либо вышиваются рисунком из гаруса и бисера. Эта кропотливая работа — предмет гордости корячки, высоко ценится обладателями кухлянок, платящими за нее лишних 10 - 12 руб. Подобным образом украшаются малахай, рукавицы и т. под.

Часть оленьих шкур идет для специального потребления в хозяйстве самого кочующего и, имея для него весьма важное значение, представляет малую ценность, как рыночный товар: это так наз. ровдуга, шкуры, идущие на постройку юрты и на мелкие поделки для работы рыбака. Главное свойство ровдуги — непромокаемость, достигается продолжительным дымлением шкуры: в огне очага юрты, если изготовляется брезент, и просто на костре, если ровдуга идет на шаровары, торбаза, рукавицы. После последовательных операций смачивания, высушивания, шерсть с кожи слезает, и получается род прочного брезента. Для окраски в темный цвет ровдуга чернится грязью из под точильного камня. Каких результатов, разумеется, при выделке мелких вещей, здесь достигают, показывают перчатки из ровдуги, очень белые, необыкновенной мягкости, не

уступающие фабричной замше. Даже такая мелкая часть оленя, как сухожилия, не остаются неиспользованными: они расщепляются на волокна, из которых выделяются жилы, служащие нитками при шитье.

Оленьи шкурки в сыром и выделанном виде составляют главный предмет коряцкой торговли; но мясо и ровдуга также находят спрос за пределами коряцкого стойбища. Ходкий товар оленевод предлагает покупателю непосредственно, заявляясь для этого в селения оседлых коряков. За товаром непродажным, особенно за мясом, которое может быть только предметом дарения, заинтересованному приходится отправляться в стойбище самому.

Гость как будто является с одной целью — повидаться с приятелем и подарить ему кое-чего: чаю, табаку, мануфактуры, всего с таким расчетом, чтобы оплатить число оленей или ценность изделий, какие желательно приобрести. Хозяин принимает подарки и быстро сговаривается с гостем: если привезено мало, коряк не постесняется сказать об этом посетителю, но все же не откажет ему в просьбе. Самый торг занял бы мало времени, а между тем желательно продлить удовольствие от встречи, тем более, что у гостя имеются лакомые для коряка предметы — чай, сухари, может быть, сахар. Время проводится в чаепитии и поедании мяса.

Но вот табун пригнан к юртам, хозяин выбирает подходящих для убоя оленей, колет их ловко брошенным кинжалом и передает их женщинам, которые в несколько минут распластывают тушу на части.

Отношения взаимного гостеприимства сохраняются и дальше: когда коряк приходит в селение, он гостит у своего „приятеля.“

Значение оленеводства выходит за пределы местного хозяйства, оно может представить ценность также для государственного хозяйства: при необъятности камчатских расстояний, совершенно непосильно наладить здесь дорожное сообщение и почтовую связь; оленеводство можно использовать для той и другой цели. Олень — такое же ездовое животное, как собака. Он может развить скорость до 15 км. в час, но скоро утомляется и в конце концов не сделает в день более 30 - 50 км. (гораздо больше пройдут собаки); зато пара оленей поднимает 250 - 300 кгр. груза, для чего нужны две полных нарты собак (по 12 шт.) Еще важнее, что олень в дороге сам находит пищу, тогда как для собак надо запастись юколу, которой нельзя взять больше, чем на 10 - 15 дней. В отличие от тунгусов, обучающих оленя ходить под верхом, коряки запрягают его в нарту; оседлые жители таким способом передвижения не пользуются, предпочитая „собачью езду.“

Так же мало использован олень и для перевозки почты: на русском дальнем севере почту трудно отправлять на собаках, и ее не посылают вовсе, тогда как на Аляске, пользуясь оленями, она доходит до полярного круга.

Оленеводство получает исключительное значение резервного фонда при общественном бедствии — нередких на Камчатке голодовках при „недоходе“ рыбы. В таких случаях коряки снабжают пострадавшее население оленьим мясом совершенно даром, часто очень продолжительное время и в больших размерах. Один коряк, живший около Сопочной, кормил целую волость во время такой голодовки целых два года.

Несомненно, что сами оленеводы без посторонней помощи не могут выйти за пределы приемов, которыми сейчас ведется хозяйство, и следовательно, о прогрессе в оленеводстве с этой стороны не может быть речи. Но они даже не в состоянии поддерживать хозяйство на той ступени, которой оно достигло в условиях естественного развития. Припомним, как беспомощны коряки, когда для оленей не хватает естественного корма и какие опустошения в табунах вызываются голодовками. Эпизоотические болезни, поражающие оленьи табуны, являются уже непоправимым бедствием. Между тем оленеводство, независимо от значения его для самих кочующих, может дать запасы пищи другим группам населения и при том не только живущим в районе оленеводства: оленье мясо может найти разнообразный рынок.

Естественно, что этим хозяйством заинтересовались (впрочем недавно) и с точки зрения животноводства и в торговых целях.

По мнению проф. Битриха, вполне возможно улучшение породы северного оленя и по росту и по силе, судя по тем норвежским примерам, которые он наблюдал. Признается достижимым развитие определенных видов домашнего оленя — молочного (примеры избенного оленеводства, приводимые Керцелли) и мясного (предположения Худатова об использовании для этой цели архангельского оленя)⁽¹²⁾. Комитет содействия народностям северных окраин, при ВЦИК'е, намечая устройство „культурных баз“ для помощи туземцам, имеет в виду поддержку оленеводства, где оно существует. Сельско-хозяйственная секция Госплана разрабатывает мероприятия по

развитию оленеводства, как самостоятельной отрасли сельского хозяйства.

Практическими вопросами местного оленеводства с зоотехнической точки зрения занялся Камчатский Областной С'езд уже в 1917 г., вынесший несколько постановлений об улучшении быта кочующих в связи с основной отраслью их хозяйства. Эти постановления, помимо своей в некоторых пунктах отрешенности от жизни, остались только пожеланиями, из которых ни одно не было выполнено.

С'езд отметил необходимость „скорейшего обследования туземного оленеводства, с целью выяснения падений и заболеваемости оленей и своевременного лечения.“ В качестве рациональных мер поддержания оленеводства с'езд признал нужным: 1) устройство показательного оленного хозяйства и питомника в подходящем районе; 2) предварительное исследование острова Карагинского в смысле пригодности его для устройства питомника и показательного оленного хозяйства; 3) снабжение безоленных туземцев оленями на ссудных основаниях, при чем предварительно они должны проходить подготовительный курс практического оленеводства в показательном хозяйстве; 4) устройство лаборатории для изучения болезней и методов борьбы с ними.“⁽¹³⁾

Интерес к использованию продуктов камчатского оленеводства проявился несколько позже в 1922 г., когда одним предпринимателем было предложено устроить в Гижиге консервный завод с правом убоя 17.000 оленей ежегодно в течении 12 лет; это намерение не осуществилось. Между тем, при условии снабжения оленеводов потребным в их жизни, устройство такого завода здесь возможно

и опасение, что такой убой обезоленил через несколько лет весь район, преувеличено. При составе стада — 85% самок, 15% самцов (из них 2% производителей), прирост оказывается (за вычетом падежа) не менее 35%, и по мнению Грюнера, допустим убой 25 - 30% (14). Вряд ли камчатское стадо представляет отклонение от нормы прироста, которая в аналогичных условиях страны и климата наблюдается также на Аляске (33%).

Все - таки на Камчатке оленеводство в этом отношении было однажды использовано, правда, самым хищническим образом. Во время гражданской войны 1922 г. разные отряды били оленей на шкуры и мясо, как вздумалось, и по мнению местных жителей, в это время стадо уменьшилось не менее, чем на 10%. Немного позже подобный опыт был повторен местными властями при сборе налогов.

Как рыночный товар, продукты камчатского оленеводства пока использованы только в виде шкур и изделий: то и другое поступает вместе с пушниной в склады, о которых упоминалось выше, и обменивается, как на товар, так и на пушнину, на ярмарках Пенжино - Каменского района, так наз. лагерях, Чукотском и Олукском, устраиваемых друг за другом в марте. Кроме торговых сделок, здесь же уплачиваются налоги, совершаются браки, наконец, устраиваются олени бега. Торговые обороты этих ярмарок сейчас незначительны — немногим более 10.000 зол. рублей на каждой.

Конечно, ни обороты складов, ни ярмарок не могут дать представления о всей поглощаемой внутренним рынком продукции камчатского оленеводства, малую часть которой они представляют.

Судить о ней можно только по косвенным данным — по оборотам прежних больших фирм, по потребностям типичных селений и тому под.; эти предположительные данные могут быть сведены в такую таблицу:

Продукты оленеводства.	Количество
Мясо	30 - 50.000 шт.
Постели ...	40 - 60.000 „
Выпоротки...	30.000 „
Пыжики ...	20.000 „
Кухлянки ...	5.000 „
Торбаза ...	10.000 „

III. ОБЩЕСТВО И МИРОВОЗЗРЕНИЕ КОРЯКОВ

Общественный строй отличается у коряков большой простотой: широких общественных групп они не успели развить до самого прихода русских, а существующая среди них общественная организация не выделяет каких-либо господствующих групп⁽¹⁵⁾.

Название коряков дано им русскими, вероятно, по созвучию со словом „хора“ — олень; сами себя они называли „чаучу“, чем и ограничивалось сознание ими своего единства. Ни племенных вождей, ни родовой знати у них не было. Они жили небольшими поселениями или стойбищами, объединявшимися преимущественно кровной связью. Опасность чукотских набегов, при которых у коряков отнималось имущество и угонялись табуны, заставила оседловатых строить небольшие укрепления, остатки которых заметны и сейчас. Кочующие же не могли противопоставить нападавшим ничего иного, как согнать оленей в защищенное природой место и из образовавшегося лагеря отражать нападение. Коряки сплотились тесней, чтобы отразить русских завоевателей. Несмотря на упорное пятидесятилетнее сопротивление, они были покорены, и потому именно, что их организация была слаба: „острожки“, которые они стали строить, обыкновенно земляные укрепления, не могли защитить от ружей и тем более пушек; борьба с русскими не захватывала всего племени целиком (исключая разве 1708 - 1715 г. г.) они могли поддерживать в борьбе камчадалов, могли устраивать там и здесь восстания, но не могли держаться перед последовательным, распространявшимся на всю их страну напором русских.

Русские закрепили организацию коряков в своих интересах: чтобы обеспечить исправный взнос „ясака“, устанавливается уплата его не поголовно, а по обществам, под ответственностью родовых старшин. Коряцкие роды были, следовательно, прежде всего административным делением и ни в какой мере не обнаруживали истинного строя коряцкого общества. Различаются роды: тайгоносский, 1 -ый, 2 -ой, 3 -ий гижигинские, опукский, парапольский, 1 -ый и 2 -ой кочевые (в Петропавловском уезде). Родовые старшины проявляли свое существование только при сборе ясака, других функций управления им нести не приходилось. Заботы о суде в этой среде тоже были невелики: здесь не о чем спорить и некого преследовать. Сейчас коряки очень честны и мирны. Убийство — случай весьма редкий; в прежнее время оно вызывало кровавую месть между сородичами, но теперь оно заменяется выкупом (подарком оскорбленному роду некоторого числа оленей).

Социальные отношения среди коряков весьма неустойчивы. С одной стороны, коряцкое общество скрепляется на коллективной основе, с другой стороны, индивидуальное начало (и притом в очень древних проявлениях) дает себя чувствовать. Олений табун не принадлежит главе семьи: члены семьи имеют в нем свои доли, в частности, корячка, выходя замуж, не теряет прав на оленей, которых она приносит в приданое мужу, и в известных случаях, эти олени могут быть возвращены в ее семью. Наоборот, наследник не получает оленей умершего главы семьи, а лишь вещи лично принадлежавшие последнему: табун остается в распоряжении всей семьи. Что касается мужа, то его роль сводится к управлению принадлежащим всей семье оленьим табуном.

Коллективное и индивидуальное начало встречается в таком же, хотя и не столь причудливом сочетании, в жизни оседлых коряков. Они живут своими домами, хозяйство и обстановка которых передаются наследнику по нисходящей линии. Однако такое имущество, как рыболовные невода и такие же „запоры“, принадлежат всему сельскому обществу или по крайней мере группе его членов. Коллективное начало еще больше чувствуется в морском промысле, где не только „байдара“ бывает групповой собственностью, но и добыча распределяется между всеми хозяевами селенья.

Слабость социальных связей у коряков, по мнению исследователей их быта (Иохельсон) возмещалась распространенным среди них отношениями взаимного гостеприимства. Припомним, как „приятель“ оказывает уважение приехавшему гостю, убивая ему отборных оленей, и как гость потом отдаривает приятеля, чего бы последний ни попросил (не слишком трудное дело, принимая во внимание ограниченность желаний коряка). Гостеприимство по отношению к чужому человеку вообще, „приятелю“ в особенности — заметное явление на фоне коряцкой жизни, смягчающее племенную исключительность. Это, конечно, верно; но не следует преувеличивать значения этого факта сейчас, когда чужестранцу никакой опасности, понятно, не грозит. А в прошлом, по свидетельству Крашенинникова, указывающего, что ни воровство ни даже убийство не считалось большим проступком среди коряков („убийцы великодушны“), гость чувствовал себя, наверное, не очень хорошо в

этой среде. Богатство и бедность оказали некоторое влияние и на коряков. По мере падения оленеводства, увеличивается число безоленных туземцов, поступающих пастухами к более счастливому соплеменнику, который в этом случае или лежит в юрте или раз'езжает по гостям, оставив табун на заботу работника. Общий характер жизни в конце концов не дает хозяину слишком многим отличаться от работника. Еще в большей степени можно это сказать о малоимущих коряках, присоединяющих свои табуны к оленям богатого соплеменника; они занимают положение наравне с членами его семьи.

Наиболее простая и самая устойчивая форма коряцкого общежития — семья, включающая в свой состав не только близких родственников, но и только что упомянутых домочадцев, которые пользуются такой же заботой и вниманием со стороны хозяина, как и члены семьи, его родственники: разве только из подарков, полученных хозяином, им достается поменьше и похуже. Внешним и внутренним знаком семейного единства служит общий очаг, близость к которому имеет и более широкое значение: приезжающий гость должен прикоснуться к его огню — прикурить от него или просто взять из него несколько углей.

Коряки — люди многосемейные и плодовитые: 3-4 детей — постоянное здесь явление. Коряцкая семья не знает многоженства, как правила, хотя не исключает его, правда, в узких пределах: содержать несколько жен сейчас обходится дорого. Многоженство в некоторых случаях бывает обязано своим происхождением обычаю двустороннего левирата,

закрывающегося в том, что жена умершего брата выходит замуж за брата, оставшегося в живых, и обратно, муж умершей жены соединяется браком с ее сестрой, если она не замужем. По мнению Йохельсона, здесь преследуется цель — укрепить связь двух родов, духи — покровители которых объединились в предшествующем браке.

Строй коряцкого хозяйства обрекает женщину на постоянный труд: обработка продуктов оленеводства лежит на ее плечах, и кропотливое вышивание каких-нибудь узоров на кухлянке или коврике занимает весь день корячки. При чужих гостях она держится в стороне и не вступает с ними в разговоры; впрочем, и сам хозяин не обладает большим запасом слов для беседы. Скромное на вид положение корячки (хотя бы сравнительно с чукчанкой) не мешает ей сохранять, как уже упомянуто, имущественное право на ее оленей; в наследственном праве держится пережиток, напоминающий о периоде матриархата: наследство матери не поступает в распоряжение мужа, но передается по линии родства матери, как подлинного объединяющего семью центра.

Коряки любят своих детей и относятся к ним с заботливостью, поскольку это возможно в условиях их жизни. Они напр. заставляют детей работать по уходу за табуном; зато, получив от приезжего гостя какой-нибудь лакомый подарок — хлеб, сахар, конфеты, коряк прежде всего угостит детей.

Иной взгляд — на стариков. Взрослый человек в этой среде ценен, как охотник или работник; когда он состарившись потерял силы, он становится лишним, и лучшая услуга, которую может ока-

зять ему любящий сын — облегчить ему смерть. Убийство стариков (удушением), встречающееся у народов, стоящих на подобной же ступени развития, напр. также у соседних чукчей, практиковалось среди коряков еще в конце прошлого века и ставило в затруднение властей, которые, естественно, не могли проникнуться коряцкой психологией. В глухих углах коряцкого обитания этот варварский обычай, наверное, сохраняется и сейчас.

Коряцкую семью нельзя назвать совершенно замкнутой: она не чуждается браков с иноплеменниками; бывают браки с тунгусами, даже с русскими (в последнем случае, несомненно, по материальным соображениям). Но эти явления наблюдаются не часто.

Коряк ищет невесту в своей среде; брак заключается как бы в форме покупки мужа. Жених поступает работником в семью невесты, где и служит бесплатно иногда очень долго; бывают такие неудачники, что поработав 3 года, бракуются невестой и уходят ни с чем. Обычай этот настолько силен, что даже богатый коряк, состоятельность и работоспособность которого не подлежит сомнению, принужден пройти этот искуc, к большому своему неудовольствию.

Обряд передачи невесты жениху очень прост и совершается в виде „хватания“ невесты, — обычай, свойственный многим сибирским туземцам. Невеста одевается при этом в лучшее платье (кухлянку) и, хватающему ее жениху приходится применить некоторое усилие, чтобы разорвать эту плотную одежду.

Коряцкая семья живет очень дружно, случаи семейной неверности здесь неизвестны; наоборот, наблюдаются случаи такой горячей любви супругов, что один совершает над собой самоубийство после смерти другого. На этом основании некоторые исследователи (Иохельсон) отвергают существование среди коряков остатков беспорядочного полового общения; между тем люди, посещавшие в наше время глухие углы Камчатки, положительно утверждают, что им, как гостям, предлагалось спать с женой хозяина, и отказ считался признаком „дурного тона.“

Как и общественная жизнь, духовная жизнь коряка протекает в простых формах. Согласно анимистическому мировоззрению коряка, вся природа представляется ему одухотворенной. Камень, растение, животное — явления одного порядка, имеющие общую основу: они не только живут своей жизнью, но имеют своих духов, человекоподобных существ. Человек также близок к природе, как и она к нему; человек может обратиться в любой предмет и утратить видимые признаки одушевления; неподвижнейший предмет может стать живым и действовать, как человек.

Земля с ее обитателями, возникла, созданная *Tepantowan*, Творцом, образ которого представляется коряку в очень смутных чертах; разные эпитеты, которыми обозначается создатель мира, — не более, чем олицетворенные общие понятия, часто просто поэтические украшения. Отношение его к земле ограничиваются творением, после которого она им была брошена (буквально) и найдена покровителем коряков „*Великим вороном*,” принявшим на себя заботы о ней.

Человек, живя в общении с одухотворенной природой, подвергается разному влиянию окружающих его духов, иногда доброму, но больше злему. Есть множество духов, старающихся только вредить человеку; это kalau, злые духи, происхождение которых не вполне ясно. В сказаниях о том, как они, жившие вместе с Творцом, за непослушание были низвергнуты на землю чувствуется, возможно, влияние христианства, вообще же они олицетворяют злое начало, свойственное всем азиатским религиям, в которых оно равносильно с добрым началом и обуславливает дуализм мировоззрения. Коряцкое миропонимание не проникнуто такой двойственностью; значение kalau довольно скромно, и с ними можно бороться магическими заклинаниями и обрядами.

Своим предком коряки признают „Великого ворона,“ которого они представляют иногда в виде действительного ворона, но чаще седобородого старика, женатого на Miti, дочери Tepantomwan; Великий ворон имеет большую семью, ведет оленнее хозяйство и кочует, подобно коряку, где-то в хребтах. Великий ворон борется против козней, которые чинят ему злые духи, неизменно, впрочем, терпящие неудачу. В борьбе с ними проходит его жизнь, полная приключений и странствий, во время которых ему приходится испытывать превращения (в животных и птиц). Приключения его бывают и веселого свойства: любовные похождения занимают среди них немало места и часто отличаются резко выраженным сексуальным характером. Рассказы о подвигах и похождениях Великого ворона, странствующего под именем Kutkinakki, доставляют в дороге много развлечения корякам, любящим слушать их по вечерам при огне костров.

Смертью Великого ворона заканчивается мифический период, после которого kalau перестали быть видимыми (не прекратив невидимой борьбы с коряками), а природа утратила живую связь с людьми, которые утратили способность превращений в неодушевленные предметы. Как умер Великий ворон, неизвестно: по одним сказаниям, он был погребен по коряцкому способу, т. е. сожжен на костре, по другим — он перед смертью ушел куда-то в иную страну. Но и после смерти он не прекращает борьбы с злыми духами, на этот раз защищая от их козней своих детей, коряков.

Происхождение других людей корякам рисуется неясно. Великий ворон напр. сталкивается с чукчами, которые не являются его детьми. Мифы о возникновении земли, подвигах Великого ворона, происхождении людей, касаются только страны, населенной коряками. О других странах и других людях коряк не задумывался: он принимал их, как существующий факт.

Связь между миром человеческим и миром невидимым поддерживается через шаманов, *enepalàn*, что значит человек, вместивший духов. Коряки народ в психическом отношении очень чуткий; выше было отмечено, как отражаются на них непонятные в их обстановке действия (фотографирование) или выдающиеся события в жизни (смерть любимого человека). Сильное возбуждение со вспышками ярости, и тяжелое угнетение, доходящее до самоубийства, — одинаково свойственные им состояния духа. *Demencia rapanoides* (бредовое помешательство) и циркулярный психоз (чередование возбуждения и угнетения) нередко встречаются у коряков.

Еще чаще наблюдаются среди них патологические характеры: случаи эпилепсии и истерии. Эти заболевания дают благоприятную почву для особого душевного состояния, характеризующего явление шаманизма. Склонные к нему люди, призванные к нему по внушению „духа,“ становятся профессиональными шаманами; они являются врачевателями, так как болезнь ведь есть результат нападения духов, которых шаман, находящийся с духами в общении, может изгнать.

Как религиозный посредник, шаман имеет мало значения: мировоззрение коряка не вылилось в какую-нибудь религиозную систему, поддерживаемую группой жрецов. Шаман не отличается особыми внешними признаками: одежда его мало отличается от обычной; бубен, в который он бьет при заклинаниях, есть в каждой семье.

Так как шаманство, как профессия, не пользуется особой поддержкой, то шаманов у коряков оказывается немного, они живут бедно и неохотно выставляют себя перед чужими людьми. Но шаманство, как психическое явление, очень распространено не только среди кочующих, но и оседлых, у последних (крещеных) несмотря на борьбу с ним духовенства; более того — оно заражает даже русских, соприкасающихся с коряками, которые полны суеверного страха перед чудодейственной силой шаманов; рассказов об этом — не переслушать ⁽¹⁷⁾.

У коряков нет постоянных святилищ, но некоторые места среди гор в лесу пользуются особым вниманием. Иногда в таком святилище стоит грубо сделанное изображение, место которого может занимать символическое изображение с пучком травы

или простое дерево; ему приносят жертвы (обыкновенно частица пищи, платья или какого-либо домашнего предмета). Такое святилище прекрасно уживается с близостью православной церкви, и посетителями его оказываются также крещеные коряки из числа оседлых. Святилище и изображения в нем принадлежат всему селению.

Кочующий коряк имеет у себя в юрте небольшие изображения, иногда человекоподобные, своих фамильных покровителей. Между прочим, среди них держатся изображения, вмещающие дух оленеводства. Особым почетом все эти предметы не пользуются.

Коряцкая религия вообще не знает развитого культа. Разного рода обряды, которые по привычке совершаются коряками, — как указывал уже Крашенинников, скорей бытовые пережитки, чем религиозные акты.

Важные моменты в жизни все же обставляются некоторой торжественностью. Рождение, как у всех туземцев, происходящее в очень тяжелой для матери обстановке, рассматривается, как действие злого духа, почему роженица удаляется из общего помещения в юрте и никому не показывается. Наречение имени ребенку определяется духами, при помощи гадательного камня: при раскачивании его, подвешенного к палочке, называется ряд имен (обыкновенно обозначающих предметы природы), и известное положение камня останавливает выбор на том или ином имени.

Погребение выполняется при помощи сожжения. Умерший в полном наряде (обычно в белой кухлянке) укладывается на костер; тут же помещается запряженная пара любимых оленей покойника, нарта и некоторые вещи, ему принадлежащие. Олени закалываются, и все сжигается. После сожжения, на месте погребения ставится символическое изображение, а через год, по возможности здесь же, совершаются поминки по умершем.

Повседневная жизнь коряков, их промыслы, дают основу для коряцких праздников. Охота не есть главное занятие коряков, и поэтому в ней мало моментов, с которыми могут соединиться какие-нибудь торжества. Как распространенный и у других туземцев, можно отметить коряцкий праздник медведя; он связан с удачной охотой на этого зверя и состоит из нескольких обрядов, совершаемых над убитым зверем. Этот праздник не справляется так эффектно, как у гиляков, которые специально для этой цели откармливают медведя и убивают его в торжественной обстановке. Другие охотничьи праздники имеют еще меньше значения.

Больше внимания уделяется праздникам, связанным с основными промыслами коряков. Таков у оседлых коряков праздник кита, состоящий в чествовании выброшенного на берег кита жертвами и молитвами и возвращении морю его головы; идея праздника—хорошим приемом побудить кита вернуться в другой раз; пойманного кита нет, но дух его живет. Китов однако сейчас корякам приходится видеть мало, и праздники, связанные с морским промыслом, приурочиваются к поимке менее крупных,

но чаще попадающихся зверей, напр. белуг. Кроме того, есть праздники, совершаемые при закрытии и открытии морского промысла осенью и весной, когда прячется или выносятся морская байдара.

Праздники кочующих коряков, естественно, имеют ближайшее отношение к оленеводству и приурочиваются к его важнейшим моментам: возвращение табуна с летнего пастбища осенью и появление нового приплода весной. На этих праздниках в честь табуна раскладываются огни и приносятся жертвы.

Жертвы, может быть, являются самым резким признаком коряцкого культа, вообще несложного и нехарактерного; кроме упоминавшихся выше безобидных жертв в виде пищи, травы и т. под., все коряцкие праздники ознаменовываются убийством животных: собак у всех коряков, оленей у кочующих. Собацьи головы, в изобилии воткнутые на колья близ коряцких юрт, составляют неизменное украшение последних.

IV. РУССКОЕ ВЛИЯНИЕ НА КОРЯКОВ

Русские завоеватели встретились впервые с коряками очень рано: уже Семен Дежнев, добравшийся в 1649 г. из Колымы до Анадыря морским путем через Ледовитый океан, имел с ними стычку и, как он повествует: „Бог помог, тех людей разгромили всех, жен и детей у них взяли, но сами они ушли, потому что они люди многие,“ особенно по сравнению с Дежневым и его товарищами, которые высадились в Анадыре всего в числе 12 чел. (18).

Более значительную борьбу вынес с коряками Владимир Атласов, этот покоритель Камчатки, прошедший ее вдоль и поперек в три года (1697 - 1699), с отрядом в 70 казаков и 4 пушками. Путь Атласова был такой: Анадырь, Пенжино, Олюторка, Тигиль, р. Камчатка, Ича, т.е. захватил ряд мест коряцкого обитания. Короткий успех Дежнева и более долгий Атласова были обязаны, конечно, огнестрельному оружию, действию которого коряки могли противопоставить костяные щиты и каменные стрелы.

Первое по времени описание коряков принадлежит Атласову; он был зоркий наблюдатель, и его впечатления ценны. Что же он увидел? (19) Во-первых, сходство с остяками, которых он уже знал („земляные юрты олюгорцев подобны остяцким“), во-вторых, костяную культуру (каменные и костяные луки и стрелы, железо не было известно). Коряки жили, как и сейчас, оленеводством: „в соболях ничего не знают.“ Общество отличалось крайней простотой: „начального человека над собой не знают,

а слушают который у них есть богатый мужик.“ О религии коряков Атласов говорит, что „веры у них никакой нет, а есть у них их же братья—шаманы: шаманят, о чем им надобно; бьют в бубен и кричат.“

Оправившись от первого впечатления, коряки оказывают движению русских из Охотска в Анадырь ожесточенный отпор, и в течении полстолетия русским не удается установить прямого сообщения по Охотскому побережью: приходится плавать через Охотское море на Тигиль и далее идти по камчатскому берегу. Был момент (1708-1714г.) когда восстание против чужеземных завоевателей охватило народности всей северо-восточной окраины Камчатки, имея целью разорвать связь этой окраины с Якутском; коряки были зачинщиками этого восстания.

Это было критическое время для русского владычества. Экспедиции Шестакова и Павлуцкого, снаряженные наряду с другими целями для борьбы с коряками и чукчами, с трудом справлялись со своей задачей. Шестаков, неграмотный казацкий голова, которому правительство доверило поиски выдуманной им Сибирской Атлантиды, человек корыстолюбивый и жестокий, шел вдоль Охотского побережья, пока не столкнулся с коряками между Паренем и Пенжином; он и его отряд в 150 ч. были перебиты (1730г.). Его дело продолжено майором Павлуцким, который должен был пройти от Анадыря к мысу Сердце - камень „экспедиция с самого начала до конца — отвага необдуманная: трудные цели, средства неприготовленные, надолго посеяли озлобление и мщенье.“ (20) Павлуцкий погиб так - же как и Шестаков (1749 г.). Отказавшись от таких экспедиций,

царское правительство приступило к постепенному очищению пути по Охотскому побережью, охватывая его цепью „острогов“: в 1739 г. ставится Ямский острог, в 1765г. Гижигинская крепость; это был последний момент борьбы с коряками. Замирение произошло не столько благодаря силе оружия, сколько вследствие перемены туземной политики правительства.

Главной причиной волнений коряков было взимание с них непомерного „ясака“, еще более тягостного вследствие хищничества местных властей, заботившихся, кроме интересов казны, еще о своем „прибытке“, и даже больше о нем. Коряки должны были платить 5-10 соболей с человека, что для них, по преимуществу оленеводов, а не охотников, было невыполнимо. О злоупотреблениях, которые при этом совершались „приказчиками“, свидетельствуют те огромные количества пушной рухляди, сотни соболей и тысячи лисиц, которые обнаруживались у виновных, если они случайно попадали под суд.

Другой причиной тех же волнений был „ясырь“, обычай казаков брать жен и детей у покоренных туземцев: такие пленницы были самками и работницами и даже становились предметом торговли: взятые за ясак, они продавались купцам за 7 соболей или 10 лисиц, при тогдашнем спросе на женщин — по очень низкой цене. Спрос на женщин объясняется тем, что русское население только что завоеванных окраин — казаки, солдаты, крестьяне, купцы, состояло, естественно, из людей несемейных; в тех же местах недостаток женщин чувствуется и сейчас.

Насильственное обращение в христианство, с неизбежным, даже признанным официально последствием для новокрещенного — обращением его в „холопство,“ также возбуждало камчатских туземцев к бунтам: в коряцких восстаниях эта причина не имела значения, так как еще в 1750 г. камчатской миссии пришлось доносить, что „все жители Камчатки состоят в вере, по благодати Божией, кроме изменников коряков“ (2¹).

Тягость ясака и ясыря, хищничество приказчиков, разврат казаков, конечно, были известны краевым властям; тем не менее, с сопротивлением туземцев они считали возможным бороться тем же способом, какой практиковался на местах: „инородцев за их непостоянство и замерзлое издревле упорство всех побить и в конец разорить, кроме малолетних детей их“—рекомендовалось Иркутской провинциальной канцелярией относительно гижигинцев (2²).

В 1763 г., после неоднократных посылок „нарочито знатных сыщиков“ (ревизоров) для расследования злоупотреблений среди туземцев, была учреждена „Комиссия по расположению ясака,“ которая установила вместо поголовной уплаты родовую раскладку, разрешила замену пушнины деньгами и понизила размер налога. Корякам, которые обязались добровольно вносить ясак в Гижигинскую крепость, приходилось теперь платить 1 р. 50 к. — 2 р. 50 к. с человека. Это решение успокоило коряков, и началось мирное сожитие их с русскими.

О приспособлении коряков к русской культуре в этот мирный период можно судить по наблюдениям посещавших их путешественников; из них двое,

Крашенинников и Дитмар, дают наиболее интересные сведения. Крашенинников застал коряков к концу завоевательного периода (середина XVIII в.), когда их жизнь была почти нетронута русским влиянием (23).

Сразу бросилось ему в глаза своеобразие этого племени во всем, начиная с языка. „Коряки говорят из всего горла, с великим криком и замешательством. Нравы сего народа согласны с языком их“ (стр. 7).

По образу жизни среди коряков различались оленные и сидячие. Следует отметить, что Крашенинников нашел несколько отличающимся язык тех и других так же, как и тип обеих групп племени показался ему неодинаковым.

Коряцкие нравы произвели на путешественника неблагоприятное впечатление: коряки „прегрубые, сердитые, несклонные, злопамятные и немилосердные люди“ (7), характеристика весьма естественная в условиях еще не кончившейся ожесточенной борьбы. Действительно, русские никак не могли подступить к корякам. О крещении их было нечего думать, и приходилось ограничиться надеждой, что „зверский оный народ, в краткое время познав истину, оставит заблуждение свое“ (255). Но с этим упорством еще можно было мириться; менее терпимо было другое, нарушавшее кровный интерес правительства и его агентов. К корякам ясачные сборщики „без надлежащей охраны не ездят, в противном случае от несовершенно покоренных бывают убиваемы“ (150).

Это было тем более досадно, что коряки, обладая огромным количеством оленьей рухляди, могли выменивать ее, торгуя с тунгусами и чукчами, на более ценную пушнину, которой они набивали целые

мешки. В эту меновую торговлю вошли, конечно, и русские купцы, но она еще не получила большого развития, и ясак был единственной надеждой завоевателей.

Отметив простоту общественной организации коряков — „в других политических делах такие же невежды, как в законе“ (160), Крашенинников дает любопытные сведения о коряцкой семье. Несмотря на ограниченность многоженства, ревнивое отношение коряков к женам, крепость семейных отношений, у них были такие формы полового общения, как взаимное одолжение жен и дочерей („женами посужаются,“) и еще более своеобразные формы полового общения и уклонений от него. У них были мужчины, имеющие общение только с субъектами своего пола (keiev); видимо, гомосексуальные привычки связывались с шаманской способностью и считались для обладателей честью (в противность „кочучам“ камчадалов). Встречался половой фетишизм в удивительной форме: простые камни („каменные бабы“) одевались коряками в женское платье, с ними спали, их ласкали, как женщин (164).

Кроме эротических склонностей, Крашенинникова удивляла страсть коряков к психическому возбуждению, которое достигалось потреблением мухомора. Мухомор жевали, чтобы вызвать настроение для шаманских действий, чтобы увидеть веселые картины или утешиться от тоски, чтобы отправиться по его (мухомора) приказу в далекие страны. Даже русские поддавались этому коряцкому дурману, с самыми

поразительными для себя последствиями: один русский по приказу мухомора повесился. Ценный для коряков предмет не рос у них в изобилии, и поэтому существовала целая торговля этим наркотиком, который доставлялся на север камчадалами.

Столетием позже посетил коряков Дитмар, проехавший в 1851 - 1855 г. по Гижигинскому району, Тайгоносскому пол. и западному берегу Камчатки и нашедший здесь иные нравы, иную жизнь (2^а). Путешественник видел здесь также тунгусов и отметил различие их типа от коряцкого; ему бросились в глаза стройность и изящество первых, приземистость и мешковатость вторых, монгольские черты лица тунгусов и мясистые плотные лица коряков. Сами коряки поразили его (очевидно, после камчадалов) крепостью, бодростью, веселостью. Он называет их веселыми детьми природы, честным, добродушным народом.

Жизнь их, видимо, проходила очень замкнуто, потому что приезд Дитмара оказался большим событием и вызвал оживленное любопытство тайгоносских обитателей, от посещения которых не было отбою. Кроме любопытства, проявилось и недоверие к чужестранцу; в одном стойбище сочли нужным запросить богов бубном, что предвещает такой приезд; в другом месте шаман отнесся к приезжему очень враждебно и направил против него свои заклинания.

Основным промыслом гижигинских коряков было оленеводство, продукты которого были главным предметом торговли. На лето жители спускались к устьям рек и промышляли рыболовством. Русское

общество коряки знали только в лице казаков и купцов, бойко торговавших на трех ярмарках, из которых Наяханская до наших дней не утратила значения. Кроме изделий из оленьей шкуры, на этих ярмарках обращалась и пушнина, проникавшая сюда от соседних кочевников, лисица, песец, медведь и белка. Цены были очень низкие, причем главной меновой единицей служили при торговле туземцев между собой красная лисица, а с русскими — листовая табак; лисица стоила 2-3 ф. табаку, т. е. по тогдашним ценам 30 - 45 кон. За столетие, прошедшее от посещения Крашенинникова до приезда Дитмара, отношения между русскими и коряками изменились к лучшему, обе стороны напр. сошлись на почве торговли. Но все же и Дитмар отмечает „ужасающее хищническое отношение местных казаков и купцов к кочующим инородцам.“

Взглянем теперь, каковы же оказались конечные последствия двухсотлетней совместной жизни народов двух разных культур (попутно отметим некоторые результаты знакомства коряков с русскими, сказавшиеся в ближайшее время).

Эти влияния чувствуются не со вчерашнего дня: их заметил уже Кеннан, посетивший коряков 60 лет тому назад (25). Он отметил „черты смелости, самонадеянности и отвращения ко всякому роду ограничений,“ порожденные кочевой, независимой, одинокой жизнью (стр. 119). Он нашел, что они гостеприимны, добродушны и предупредительны (120), хорошо обходятся с женами и детьми (143). Иную картину представили оседлые коряки Пенжинской

губы, самые развращенные, по его мнению (133); причина — влияние культурных соседей, тоже им указана. „От русских они научились лгать, обманывать и красть, а от американцев пить ром и вести развратную жизнь“ (152).

Богатые оленеводы, удачливые морские промышленники, недурные охотники за соболем, привыкшие к свободе и независимости в далекой, отдаленной от материка горными хребтами тундре, коряки оказали ожесточенный отпор русским завоевателям. Коряки были постоянными участниками восстаний против казаков, постоянно отказывались платить ясак, избивали православных миссионеров (единственный на Камчатке случай религиозного мученичества был в Гижиге), противились таким образом русскому владычеству на всех его путях: завоевательного вторжения, государственного подчинения, культурного давления. Ожесточение борющихся было велико. В коряцких сказках часто повествуется о нападениях на русских, похищениях русских женщин, бегствах и преследованиях и т. под. Казаки, со своей стороны, не стеснялись в средствах устрашения, поразительные примеры чего приводит Петри в своей старой „Антропологии“ (26).

Физическое уничтожение было первым губительным фактором для коряков. По успокоении Камчатки, началось иное воздействие на край, к корякам опять пришедшее в отрицательных формах, в виде болезней: сначала сифилиса, занесенного в XVIII в. бравым сомовским батальоном, позже оспы, особенно свирепствовавшей в прошлом столетии среди

детей, в наше время туберкулеза. Значение этих бедствий не следует, впрочем, преувеличивать до степени факторов вырождения коряков. Во первых, не так много погибло их в борьбе, потому что завоеватели действовали небольшими группами в десятки и сотни людей, и кроме того, предания туземцев о большом их количестве, населявшем Камчатку до прихода русских, нельзя принимать, пренебрегая поэтической в них метафорой. Во - вторых, и по отношению к занесенным болезням, коряки отличаются значительной сопротивляемостью: туберкулезных среди них немного, сифилитики попадают только в группах, смешанных с камчадалами.

Если коряки мало страдают от таких болезней, как сифилис, оспа, туберкулез, то лишь потому что они живут в местах, слишком удаленных от русских поселений. Но предохранить их от проникновения этих болезней полностью невозможно: по словам д-ра Кириллова „почти нет болезней, от заноса которых можно было бы гарантировать полярные тундры“ (27). В частности, в Анадырском крае, где живут также коряки, он нашел, кроме упомянутых, следующие болезни: кровеносных сосудов и сердца, сочленовый ревматизм, глазные болезни (особенно трахома), кожные болезни, корь, инфлюенца, грипп, цынга, крупозная пневмония.

Еще более, чем болезни, проникли сюда наркотические вещества, явившиеся в изобилии с приходом русских: чай, табак. Кирпичный чай, охотно потребляемый тунгусскими и монгольскими народностями, попал на Камчатку недавно и пришелся здесь по вкусу корякам, которые пьют его днем и ночью в поразительном количестве: один кирпич расходуется

семьей за два дня. Табаку потребляется тоже немало: мужчины среднего возраста преимущественно его жуют, а женщины курят; мужчины воздерживаются от курения, боясь испортить легкие, здоровье которых необходимо охотнику. О потреблении спирта, его экономическом и психологическом влиянии на туземца слишком известно, чтобы об этом нужно было много говорить. Замечу только, что времена, когда камчатский туземец отдавал за спирт все, отошли в область предания: теперь он способен противопоставить аппетитам продавца некоторый хозяйственный расчет; упадок русской торговли на Камчатке за последнее пятидесятилетие, кроме того, сделал этот соблазнительный предмет недоступным для какого-нибудь каменца или олюторца и заставил его обратиться к старинному и привычному одурманивающему средству - мухоморам, благо их, лишь бы лето оказалось дождливым, бывает довольно.

Носителями русской культуры, с которыми столкнулись коряки, были казаки (потом солдаты) в первое столетие завоевания, купцы — во второе; цель их прихода на Камчатку — погоня за соболем, способы, которыми они к этой цели шли, могли внушить корякам в лучшем случае страх перед русскими. Администрация — „приказчики,“ командиры, военные губернаторы (самые названия показывают, что правительство озабочивалось только военным управлением) смотрели равнодушно на истребление и эксплуатацию туземцев, в которых они видели только плательщиков ясака. Об'ясчиванье коряков не было еще закончено к нашему времени, и уездным начальникам приходилось иногда действовать в духе

казацких „землепроходцев“ (завоевателей). И здесь двигающим началом, побуждавшим коряков к подчинению, оказывался страх; неудивительно поэтому, что в Гижиге был случай, когда в пантеон коряцких божеств был включен уездный начальник. Там, где мотив страха был незначителен или вовсе отсутствовал, русское влияние оказалось бессильно; так было с православной пропагандой при царском правительстве, то же случилось с идеями революции теперь.

Кочующие коряки остались язычниками по принципиальным соображениям: боги лишают коряка оленей, когда тот принимает крещение, рассказывают коряки. Верней сказать, коряк боится не измены старым верованиям, а порядочных расходов, которые связаны с визитами духовенства: коряк, хотя и гостеприимен, но зря своего богатства не бросает. Как на последствия измены старым богам, коряки ссылаются на своих крещеных соседей — ламутов, потерявших оленьи табуны. Как бы ни было, крещеный коряк — редкое явление. Столь же редко встретится грамотный коряк, несмотря на то, что родители имеют возможность учить детей в школах селений, около которых они кочуют, наряду с такими же ребятами оседлых коряков. Дети кочующих, вырванные из привычной юрты, оказываются неспособны к учению и тоскуют, болеют, особенно весной.

Оседлые коряки, по крайней мере, палланцы и укинцы, с давнего времени православны и грамотны (подростающее поколение); так считалось официально, но не так обстояло фактически. Православие, конечно, воспринято ими в форме, близкой к

язычеству, исключительно с обрядовой стороны, с замещением шамана священником. Но прежняя религия живет среди них и в более действенной форме: старые обряды исполняются, праздники совершаются, боги почитаются, лишь бы этого не увидел священник. Предок рода не забывался, потому что от старых богов зависело послать охотнику соболя, русская церковь не забывалась, потому что за ней виднелась фигура пристава; а сейчас, когда она исчезла, шаман успешно вытесняет священника. Столь же мимолетно оказывается влияние школы: коряцкий мальчик, став взрослым, забывает русскую грамоту, а сделавшись пожилым — и русскую речь.

При такой душевной замкнутости, какая отличает коряка, трудно ожидать, чтобы революция, новые идеи, новые порядки могли произвести впечатление на настроение этого племени сразу и скоро. События последних лет прошли мимо них, и если затронули их, то лишь впечатлениями насилий и убийств, которыми ознаменовалась гражданская война в 1922 г. на Камчатке. Они были принуждены принять и личное участие в этой войне, и как рассказывают, именно ими, выведенными из терпения угнетением новых завоевателей, были перебиты с большим ожесточением около Гижиги остатки Бочкаревского отряда вместе с их начальником. Невольно вспоминается событие, разыгравшееся 200 лет тому назад в том же месте, в похожей обстановке, с проявлением такого же озлобления (истребление Шестаковского отряда).

При соприкосновении подобного племени с европейской колонизацией обычно наступает упадок племени. Помимо неблагоприятно действующих экономических причин, туземец подавляется новизной и широтой жизни, развертывающейся перед ним, не может ни усвоить ее себе, ни соединить со своей жизнью; душевный надлом, получающийся при встрече совершенно несогласуемых типов жизни, ведет к состоянию душевного удручения, потере радости жизни и психическому упадку. На коряках, в силу условий их географического положения, это сказалось в меньшей степени, чем на их соседях по Камчатке. Личное общение с коряками оставляет о них впечатление, как о племени здоровом, хозяйственном, цельном. Если оно не развивается, то во всяком случае находится в состоянии устойчивости.

У коряков не заметно внешних признаков, выдающих, по мнению С. М. Широкогорова⁽²⁸⁾, гибнущее племя: сокращение численности и уменьшение территории. Выше отмечено, что нет оснований преувеличивать численность коряков до русского завоевания; а за то время, когда рост или убыль племени можно определить точными цифрами, оно остается неизменным по составу: подсчеты Слюнина около 1900 г., губернаторских отчетов 1910 - 1914 г., издания Дальэкозо „Камчатка“ (1923 г.), статистического справочника по Д. В. (1925 г.), дают одну и ту же цифру за период жизни целого поколения : 7 - 8000 ч. Как упомянуто, эпидемические болезни, кроме оспы, также не производят значительных опустошений среди коряков.

Незаметно и сокращение занимаемой племенем территории: как и при Крашенинникове, коряки кочуют со своими табунами на юг до Тигиля, но попадают и южнее. Однако сомнительно, чтобы их поселения когда-либо доходили до Петропавловска, как высказывается предположение: название сел. Коряки около этого города еще ничего не доказывают, а этнографический состав населения и физико-географические условия местности исключают возможность кочевания здесь когда-либо коряков с их оленями. Едва ли скоро наступит момент, когда истощатся запасы мха в тундре, что поставит перед коряками трудную задачу искать новые пастбища для оленей. Иное дело — охота за соболем; здесь промысловая территория на Камчатке, действительно, сократилась, и за соболем приходится уходить в глубину хребтов. Но это общее горе камчатского туземца, а не коряка в частности, пожалуй, оказывающегося даже в лучшем положении: не так он в этом соболе нуждается, он по преимуществу — оленевод (29).

VI. УЛУЧШЕНИЕ БЫТА КОРЯКОВ

В проектах улучшения быта туземцев недостатка нет; не были оставлены заботами доброжелателей и коряки. За это дело брались и администраторы и общество; первые полагались на чудодейственную силу начальнических приказов, вторые — благожелательных резолюций.

Корякам пришлось испытать внедрение „картофельной культуры,“ насаждавшейся здесь прежними уездными начальниками; жители с'едали отпущенный для посева картофель, к моменту сбора, покупали у русских новый запас и рассаживали по грядкам клубни особо, ботву особо; приказ был выполнен. Камчатский областной с'езд, 1917 г., первый во время революции, нашел, что зло коряцкой жизни (а также нарушение правил охоты) обусловлено ее кочевым характером, а потому постановил кочующих жителей обратить в оседлых; было бы удивительно, если бы такая резолюция не осталась на бумаге. А между тем и насаждение среди оседлых коряков огородничества и приучение кочующих к некоторым привычкам оседлой жизни — дело не вовсе невозможное, если оно ставится умело.

Улучшить быт туземцев, в частности коряков, могут достаточно подготовленные к работе среди туземцев люди, преданные своему делу, по выражению Богораза „не ученые, а миссионеры новой культуры“ (30). Надо не только изучать туземцев, чтобы видеть, что для них можно сделать вообще; надо обратить внимание на их хозяйство, выявить

его недостатки и поднять его на возможную высоту. Когда эта основа жизни туземца станет твердо, приложится остальное: „это — практический производственный подход к улучшению туземцев севера.“

Направленные к этому мероприятия должны по возможности шире охватить жизнь туземца, проникнуть в глубь тайги или тундры и исходить из одного места, своего рода „культурного форта,“ на той или другой северной окраине. Это — идея культурных баз, которые намечены расширенным пленумом Северного комитета 11 - 12 мая 1925 г.

„Единственный надежный путь устройства севера заключается в возможной концентрации, соединении в одних пунктах различных экономических, судебных, административных и культурных начинаний, в повышении культурного состава этих пунктов и в максимальном использовании их деятельности для воспитания и обучения туземцев,“ читаем в проекте устройства культурных баз (³¹).

Соответственно с этим названные базы несут функции: продовольственно - кооперативную, врачебно - ветеринарную, культурно - просветительную и научно - исследовательскую.

База не только снабжает туземное население из продовольственного склада, не только торгует, но и распространяет среди жителей ремесленные навыки, организует показательное производство, связанное с туземным хозяйством. Врачебная деятельность развивается также в направлении ветеринарии, где существует туземное оленеводное хозяйство, а в виду его неизученности опытно - исследовательская сторона работы должна занять видное место. Школа

имеет в виду не только детей, но частью подростков и взрослых, могущих пробыть на базе 1 - 3 года, преимущественно для усвоения практических знаний. Научно - исследовательская работа базы не требует раз'яснений.

Идея северных культурных баз — принципиально правильный прием работы в тайге или тундре. В завоевательный период распространение европейского и русского влияния в Америке и Сибири шло из заброшенных на север фортов — „острогов.“ Сейчас воюют не оружием, а знанием, не завоеванием севера, а культурным влиянием, очагами нового влияния и будут культурные базы. Нежелательно только возлагать на них торговую задачу: слишком плоха слава северной торговли, слишком недоверчив к ней туземец, чтобы культурной базе стоило бороться за нее; для этого есть соответствующий аппарат. Нельзя совмещать деятельность „миссионера новой культуры“ и заведывающего магазином Госспирта; а это может случиться, если базы будут не только просвещать, но и торговать. Намечая мероприятия для улучшения быта туземцев, следует использовать опыт иностранных соседей; небезинтересно посмотреть, что делается в этом отношении на Аляске и в Канаде.

Колонизация Аляски белым населением после приобретения ее Америкой в 1868г. развивалась очень энергично; еще в 1880 г. здесь было 430 человек пришлого населения, а в 1900 — уже 30493; местная промышленность получила необычайное развитие;

за пятидесятилетие после приобретения Аляска дала пушнины на 8 мил. дол., морского зверя (котиков) на 63 мил. дол., рыбы на 108 мил., полезных ископаемых (золото) на 148 мил., а всего на 327 мил.

Туземное население, застывшее на цифре около 30 т., очутилось бок о бок с равным ему численно американским населением и оказалось как бы в огромной школе. Десятилетия прошли, прежде чем туземцы усвоили из новой культуры что-нибудь, кроме ее отрицательных сторон. Они стали перед истощением их пушных и рыбных богатств, что подорвало благополучие туземцев; они познакомились с „салонем“ и „дансингом,“ приобретя вкус к крепким напиткам и легкому поведению. „Соприкосновение с белыми людьми неизменно влекло к вырождению 4 главных племен Аляски, несмотря на временные и обычно бесплодные попытки исправить зло,“ говорит выдающийся аляскинский деятель Грили.

Лишь с начала нынешнего века американское правительство обратило внимание на положение туземцев, „недостойное требований морали и национальной чести,“ и начало заботиться об улучшении их санитарного и культурного состояния (³²).

Чтобы продвинуть врачебную помощь как можно дальше, были учреждены должности медицинских инспекторов из туземцев, которые получали соответственную подготовку и снабжались лекарствами; то и другое они могли использовать в отдаленных пунктах территории и особенно среди кочующего населения, среди которого, кстати сказать, много туберкулезных и трахоматозных.

На школы долгое время отпускалась ничтожная сумма в 25.000 дол., пока в 1905 г. народное образование на Аляске, и в частности просвещение туземцев не было поставлено на твердую основу разделением школ на территориальные городские, и туземные и отпуском средств на них в 200.000 дол. На Аляске были открыты 61 туземная школа; число учащихся в них быстро дошло до 3000.

Эти школы имеют производственный уклон, сообщая туземцам знания по сельскому хозяйству, шкустроению, домашним ремеслам. Сейчас проводится план industrial training (промышленное образование) применительно к местным потребностям и нуждам туземцев.

Кроме правительственных школ, на Аляске есть миссии, при которых и были устроены первые оленеводные станции.

Аляска досталась американцам мирным путем, и им не пришлось завоевывать туземцев; не то было в Канаде, где колонистам пришлось вести ожесточенную борьбу с индейским населением, оттесняя его в глубь страны, в частности на севере — продвигаясь вперед при помощи ряда факторий, военно-торговых пунктов, державших в подчинении окрестное население и скупавших пушнину.

Для скорейшего прекращения вооруженной борьбы канадцы заключали с туземцами договоры, по которым оставляли за ними известные территории со всеми угодьями и промыслами (reservations). Система резерватов была удачной выдумкой, сохранившееся индейское население не вошло в близкое

соприкосновение с белой культурой, защитило себя от вырождения и вымирания (во всяком случае, в большей мере, чем русский север) и живет сейчас на территории Канады в числе более 100.000 чел.

Гораздо раньше, чем на Аляске, в Канаде была признана необходимость не ограничиваться предохранением индейцев от язв цивилизации, но дать им возможность культурного развития в новых условиях. В этом деле большую роль должны были играть школы.

В Канаде существует около 300 туземных школ с числом учащихся до 10000; школы хорошо оборудованы (школа в Брандоне стоила 30.000 дол.); они содержатся за счет Indian fund (постоянный капитал для нужд туземцев) и государственного казначейства; из обоих источников на школы расходуется до 1.000.000 дол. ежегодно. Канадские школы возникли давно, имеют прочную традицию и обставлены лучше, чем на Аляске. Среди них имеется около 40 школ с интернатом (boarding schools) и 15 ремесленных (industrial schools). Первые оборудованы всем, что требуется от пансиона: спальнями, столовыми, гимнастическими залами — разительный контраст с жалкими школьными помещениями Камчатки (33).

Особенность этих школ, выходящая за пределы чисто учебных функций — стремление привить туземцам привычку к сельскому хозяйству. Школам отведены посевные площади, и при каждой школе есть сельскохозяйственная ферма. Сельское хозяйство при школе ведется, как показательное, не только для учеников, но и для туземного населения.

Заслуживает внимания любопытный прием поощрения, сколько мне известно, нигде для воспитания туземцев не применяемый. Дети природы тоскуют и болеют в школах; как бы хороши они ни были, детям туземцев в них тесно. Родители также неохотно отдают детей в школы. Чтобы приохотить туземное население к учению, правительство платит родителям за каждого отдаваемого в школу ребенка.

Туземные школы на Аляске и в Канаде организованы с производственным уклоном: на Аляске с ними соединяются оленеводные станции, в Канаде сельскохозяйственные фермы. Канадский тип культурной базы для камчатских коряков не подходит: сельское хозяйство, хотя бы в виде огородничества, не возможно севернее Петропавловска, т. е. может коснуться только части оседлых коряков; здесь культурные базы, как на Аляске, должны быть связаны с оленеводством. Напрасно было бы ломать своеобразную жизнь туземца, в частности коряка, наоборот, следовало бы укрепить ее материальную основу, подобно тому как это сделано при худших условиях с эскимосами Аляски: надо улучшить техническое и санитарное состояние оленеводства, что повысит материальное благополучие коряков и благоприятно повлияет на все стороны их быта. Тогда и более широкое снабжение оленеводов предметами культурного обихода, передача им технических навыков, распространение среди них образования (начиная от простой грамотности) окажется уместным и будет охотно принято коряками.

Такой подход к разрешению туземного вопроса на Аляске дал прекрасные результаты; на Камчатке он окажется тем более полезен, что его можно связать с важным экономическим вопросом — проблемой питания, одной из тех, которые сейчас на берегах Тихого океана вызывают большое внимание: камчатское оленеводство, теперь пропадающее втуне, может создать богатый источник дешевой пищи — консервированного или мороженого мяса. В этом нуждается прежде всего русский север.

Каких результатов можно достигнуть на этом поприще, показывает пример промышленного оленеводства в Аляске, существенно отличающегося от камчатского уже тем, что оно имело перед собой гораздо больше трудностей: здесь не улучшалось уже существующее хозяйство, а создавалось совершенно новое. При этом не упускалась из виду культурная задача всего мероприятия, которое принесло наибольшую пользу в моральном и воспитательном отношении, повышая среди туземцев чувство личной ответственности и склонность к взаимной поддержке (34). Правительство и лица, интересовавшиеся этим делом, менее всего были склонны разочаровываться в нем, видя сравнительно небольшой результат его на первых порах. Стоит несколько остановиться на этом интересном опыте.

Дело возникло благодаря личной инициативе д-ра Шельдона Джексона, доставившего в 1890 г. с Чукотского полуострова в Уналашку первую партию оленей (12 голов). Опыт был сделан на частные средства, собранные по подписке. Этому пионеру пришлось скоро на помощь правительство, ассигно-

вав на это дело небольшой кредит. За 20 лет опыта было израсходовано около 240.000 дол., как на содержание оленей, так и на их доставку. Последняя явилась довольно затруднительной. В виду препятствий, поставленных русской администрацией, было сделана летом 1898 г. неудачная попытка доставлять оленей не из Сибири, а из Норвегии. Из 526 животных не выдержало перевозки через материк три четверти их числа. Позже по получении разрешения от русской администрации, была начата доставка оленей из Якутской обл. морем, что тоже оказалось нелегким : при такой транспортировке однажды погибло из 428 оленей около половины. Это не смутило инициаторов оленеводства. Каждый год доставлялось 100 - 200 оленей, а в течении десятилетия 1892 - 1902 г. было привезено всего 1280 голов. Через 5 лет после начала опыта, когда число оленей на Аляске достигло 1.000 голов, оказалось возможным увеличение стада не только за счет заграничной покупки, но и благодаря естественному приросту.

Рост оленьего стада на Аляске с 1900 г., когда оно возросло до 3000 гол., выражается такими цифрами.

Годы	Число оленей.
1901	3.500
1904	8.100
1908	16.000
1911	30.000
1914	55.000
1917	110.000
1920	220.000

По новейшим сведениям, оленеводство на Аляске исчисляется в 200 - 300.000 гол. (с ростом стада подсчет стал затруднителен и точно не производился), не считая 100.000 гол., убитых за все время на мясо (³⁵).

Прогресс оленеводства был вызван, кроме рациональной постановки оленного хозяйства, еще разделением всего стада между отдельными станциями, что обеспечило ему лучший уход и предохранило его от эпизоотий.

Позже предпочли другую систему хозяйства: начали распределять оленей между пастухами — эскимосами, которых на оленеводство перешло около 1500ч., и продавать оленей частным компаниям, занявшимся этим делом.

Инициатор промышленного оленеводства Джексон был прежде всего работником на поприще культуры — он заведывал аляскинскими школами. Вопрос, казалось, узко экономический, он ставил весьма широко. Аляска нуждается в притоке колонизационного элемента; но колонист может быть подавлен громадностью страны и непривычностью обстановки. Для борьбы с тем и другим препятствием необходимо использовать силы и опыт туземного населения и тем вовлечь его в культурную работу.

„Туземец должен быть научен двум вещам, которые дадут ему возможность быть хорошим помощником для колонистов: первое, его надо научить, как создавать запас дешевой пищи, и второе, как снабдить страну дешевым перевозочным средством при помощи оленеводства,“ говорит Джексон. Связь оленеводства с колонизацией очень важно отметить, так как на русском севере это обстоятельство находится

в полнейшем пренебрежении. Как способ передвижения, оленеводство было использовано немедленно среди охотников и золотоискателей, а также для перевозки почты; почтовая связь установлена с самыми отдаленными местами Аляски, почти на 1000 км. северо - восточнее Нома.

Как источник пищи, оленеводство также удалось использовать, хотя не так скоро, в более близкое к нам время.

Сколько известно, для поднятия оленеводства на русском севере намечен ряд мероприятий. Они состоят в изучении положения оленеводства, устройстве зоотехнических пунктов и экономической помощи оленеводам (³⁶). Изучение оленеводства не должно оставаться самодовлеющей задачей; необходимо, чтобы оно немедленно дало хотя небольшие практические результаты; для такой цели очень полезны летучие ветеринарные экспедиции в роде снаряженной в Малоземельскую тундру и обошедшейся в 22.000 руб. Коряцкое оленеводство, по размерам самое крупное в Северной Азии, такой экспедиции более, чем заслуживает. Результаты такой экспедиции определяют, главным образом в смысле района, устройство зоотехнического пункта, имеющего своей задачей: 1) детальное изучение оленеводства, особенно пастбищ и эпизоотий, 2) ведение показательного оленеводного хозяйства, 3) распространение лучших способов обработки изделий из оленьей шкуры, 4) кооперирование населения на основе этого хозяйства. При зоотехническом пункте содержится табун в 200 - 600 гол. и ветеринарная лаборатория. Первый пункт предполагается открыть в Гижиге.

Экономические мероприятия по оленеводству заключаются в предоставлении туземцам кредита на срок от нескольких месяцев до нескольких лет для покупки оленей, для приобретения хозяйственного инвентаря, для заготовки мяса и шкур на продажу.

Имеются ли на Камчатке в районе коряцкого обитания унаследованные от прошлого какие-нибудь благоприятные условия, которые облегчили бы устройство намеченных культурных баз? По опыту Аляски и Канады, их зародышем должны явиться существующие школы по целому ряду соображений: экономии средств, наличия сотрудников, культурной традиции. Но именно по этим соображениям существующие коряцкие школы не могут быть использованы ни в какой мере.

Таких школ имеется около десятка. Но что это за школы? За малым исключением, построенные в тесных, неудобных помещениях, иногда в амбаре или юрте, они с трудом дают жилье самому учителю и бедно снабжены необходимейшими учебными пособиями; устройство при них интернатов и мастерских не даст ничего похожего на эти учреждения; несомненно, что коряцкие дети будут чувствовать себя здесь хуже, чем на воле, если не будут прямо болеть.

До последнего времени подобные школы в большинстве обслуживались священниками из туземцев и редко учителями по профессии. Преподавание велось на русском языке по синодским учебникам — это среди туземного и языческого населения! Результаты получались поразительные: проучившись

пять лет, школьник не понимал совершенно русской речи, но зато говорил наизусть по славянски длиннейший псалм. Это достигалось, можно сказать, потом и кровью, стоило труда и побоев.

Какой-нибудь культурной традиции подобные школы создать не могли; наоборот, многие школьные деятели, увлекшись торговлей, (самое соблазнительное занятие на Камчатке), оставили по себе традицию невысокого свойства (³⁷).

Для культурной базы выбрано село Пенжино, в центре коряцкого обитания; здесь была школа, сюда же тяготела торговля продуктами оленеводства. Это база является административным центром организованного в 1930 г., по примеру других, коряцкого национального округа в составе районов Пенжинского, Тигильского, Олюторского, Карагинского, изъятых из ведения общей администрации Д. В. Кроме установления границ, организация нового округа выразилась в составлении плана, которым предусмотрены постройка грунтовых дорог внутри округа и по побережьям, автомобильной дороги Каменское — Б. Корфа, в широтном направлении, и включение округа в большие авиолинии Хабаровск — Чукотка и Петропавловск—Чукотка, для под'ема коряцкого хозяйства намечена постройка оленеводного техникума (³⁸).

Но все эти глаголы спрягаются в будущем времени; пока что, главным новшеством сравнительно с прежним порядком явилось открытие Госспиртом казенной винной лавки в Гижиге уже в 1925 г. Таким образом, начало „для успехов советского строительства на севере и для обеспечения быстрых темпов хозяйственного под'ема“ среди коряков, несомненно, положено.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СТРОЙ КОРЯЦКОГО ЯЗЫКА

Коряки относятся к группе палеазиатских народностей; иными словами, этнология не в состоянии отнести им место в племенной классификации северо-восточной Азии, ибо под именем палеазиатов объединяются весьма различные племена, имеющие между собой только то общее, что они живут сейчас в северной Сибири. Было бы полезно дать некоторый материал для разрешения этого вопроса, пользуясь лингвистическими данными, — отметить сходство коряцкого языка с языком ближайших соседей и попытаться выяснить его состав (39).

Знающий коряцкий язык поражается при первой же встрече с чукчами тем, что сквозь новые слова и другое произношение он слышит знакомую речь, встречая здесь одинаковые звуки и формы, обнаруживая тут один и тот же языковой строй. Разница между коряцким и чукотским языками — преимущественно лексическая и семантическая (слова и их значение), и, принимая во внимание непосредственное соседство этих двух племен в одинаковой географической обстановке, общность их основного занятия — оленеводства, можно не сомневаться, что сходство этих языков не случайно и что они связаны общностью происхождения. Вопрос, следовательно, только в том, где же надо искать их общий источник, вопрос, который заставляет перенести исследование с азиатского на американский берег Тихого океана. Предварительно следует отметить различие наречий в пределах самого коряцкого языка.

Деление коряцкого языка на 5 наречий и соответственно этому — коряцкого племени на 5 групп : палланскую, укинскую, каменско - паренскую, оленую и олюторскую утвердились со времен Дитмара. Это деление неправильно : оно упускает из виду малоизвестную северо - восточную группу племени, т. наз. керэков, живущих на границе Гижигинского и Анадырского уездов; также напрасно обособляет оно несамостоятельную укинскую группу, если только вообще здесь жили прежде коряки, а не смешанные с ними камчадалы. Таким образом в коряцком языке можно найти 4 наречия : палланское, каменско - паренское, олюторское и керэцкое, различающиеся несколько в лексическом и семантическом отношении. Наречие олюторцев и керэков включило в свой состав некоторые чукотские элементы и след. не характерно для коряцкого языка; палланское наречие, хотя и уступает по чистоте каменско - паренскому наречию, заслуживает внимания в том отношении, что оно все же мало отличается от языка оленных коряков и распространено за пределами западного побережья, района палланцев.

Общий строй коряцкого языка ставит перед нами вопросы аналогичные тем, о которых упоминалось в самом начале : об индейских элементах в коряцкой культуре. В коряцком языке встречаются сложные слова, образованные из многих основ : это особенно выступает в личных именах, состоящих из нескольких неизменных слов; частое разделение речи спирантом в середине слова также иногда связано с образованием его из нескольких основ. Это явление — полисинтетический строй, весьма характерно для северо - индейских языков (хотя и не всех).

Замечается в коряцком языке и соединение дополнения с глаголом в одно слово, инкорпорация, тоже особое свойство северо - индейских языков. Наблюдается при образовании глагольных форм изменение гласной основы и присоединение префиксов, как в виде приращения, так и удвоения — тоже индейские черты. Полисинтез, инкорпорация, изменение гласной основы, употребление префиксов — все это отличает коряцкую и чукотскую речь от языка ближайших соседей. Но есть в нем и другие признаки.

Несомненно, в общем он агглютинирующий язык, и суффиксы, при помощи которых образуются глаголы, прилагательные, существительные, не связаны тесно со словом и легко от него отделяются, внешним признаком чего служит отмеченное употребление спيرانтов. В то же время пользование суффиксами в коряцком языке весьма распространено, и его нельзя признать бедным в морфологическом отношении. В нем имеется весьма развитое спряжение, двоякая форма прилагательных (смотря по тому, употребляются они, как определения или сказуемые), единственное и множественное число существительных. Необходимо отметить еще одну черту, проникающую весь коряцкий язык — гармонию гласных звуков, вследствие которой становятся несовместимыми в одном слове напр. „о“ и „и“, вообще редко попадающиеся в коряцких словах, и наоборот, постоянное соединение в одном слове „ä“, и „a“ или „e“ и „a.“ Как в общей культуре этого племени, так в частности в языке соединяются разнородные и американские и азиатские элементы.

Некоторый параллелизм в строе коряцкого яз. и составе коряцкой культуры не позволяет однако сделать какие-нибудь заключения об общем происхождении обоих. Согласно теории языкознания, выдвинутой академиком Марром, скрещение и смешение — постоянные явления в языке, и то, что признается типом языка (напр. агглютинирующий строй), в действительности, есть только одна из фаз его развития. Дальневосточные языки, по его мнению, предположительно прошли три фазы развития, характерные и для других языков (⁴⁰). Стало быть, полисинтез, агглютинация суффиксов, даже употребление флексий — все это может быть обусловлено внутренним развитием самого коряцкого языка.

Но об'яснить наличие „не-индейских“ элементов в этом языке заимствованием из другого источника не было бы проще? Связь его с т. наз. урало-алтайскими языками подтвердила бы, что коряки твердо стоят на азиатской почве. Гипотеза единства урало-алтайских языков, однако, не могла считаться твердо установленной до сих пор, а после уничтожающей критики проф. Широкогорова — тем более (⁴¹). Если даже тунгусские языки, как выявлено этой критикой, не могут быть включены в одну группу с монгольскими и турецкими, что же сказать о языках палеазиатских?

Эти языки (в том числе коряцкий), действительно, сложны по своему составу, но прикреплять их к американскому или азиатскому берегу неосновательно. С другой стороны, не следует преувеличивать их своеобразия: сходные с ними черты встречаются во всех языках, в том числе европейских: разве латинский яз. не знает изменения гласной основы в глаголе, а французский — инкорпорации местоимения с глаголом?

Но не будем удаляться от нашего специального вопроса. В этих пределах необходимо отметить еще богатство коряцкого яз., а с другой стороны, его замкнутость, характерные для его теперешнего состояния.

По отношению к новейшему времени, коряцкий словарь оказывается весьма неподатливым к заимствованию из других языков. Коряки вообще обладают весьма развитым словарем, передающим самые отвлеченные понятия, как *Tenantomwan*, Создатель Мира; при заимствовании же нового понятия, коряк придумывает свое слово и часто с большой находчивостью пользуется собственным языковым материалом, напр. *mil'haq* огненный лук — ружье. Чужому языку он тем более не учится и этим упорством достигает, что коряцкий язык усваивается не только камчадалами и чукчами, но даже русскими. Это, так сказать, международный язык северо-восточной Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Е. М. Чепурковский, *Очерки по общей антропологии*, Владивосток 1925, стр. 158, указывает, что происхождение и рассеяние монголоидного типа на севере Азии есть основной вопрос дальневосточной этнологии.
- (2) Йохельсон, *Этнологические проблемы на северном берегу Тихого океана*, стр. 81, СПб. 1909.
- (3) Геддон, *Переселение народов*, Петроград 1923, стр. 90.
- (4) Чепурковский, *op. cit.*, стр. 105, отмечает, что по мере движения на север Азии брахицефалия сменяется долихоцефалией. Все палеазиаты длинноголовые, индекса 86 среди них нет.
- (5) Dina Jochelson - Brodsky, *Zur Topographie des weiblichen Körpers nordostsibirischen Volker*, Braunschweig, 1896.
- (6) Jochelson, *Material culture and social organization of the Koryak*, p. 445.
- (7) Арсеньев, *Гижигинский промысловый район*, стр. 29, говорит, что здесь добывается до 2500 нерп и 1 - 2 кита.
- (8) М. Л. Успенский, *Торговля Гижигинского района*, *Эконом. Жизнь Д. В.*, 1925, № 5, стр. 193.
- (9) Крашенинников, *Описание Земли Камчатской*, т II, стр. 153 - 161.
- (10) Новейшие сведения см. *Северн. Азия*, Москва 1925, кн. 5 - 6, стр. 111.

Издание "Районы Д. В. края," 1931, приложение : *Национальные округа*, дает цифру 800.000 оленей для Камчатки.

- (¹¹) С. А. Грюнер, *Статистика камчатского оленеводства, Эконом. Жизнь Д. В.*, 1925, № 11.
- (¹²) Орфенов, *Ежегодник В.С.О.* 1922.
- (¹³) *Протоколы первого Камчатского областного съезда* Петропавловск, 1917, стр. 71.
- (¹⁴) Грюнер, *op. cit.*, стр. 47.
- (¹⁵) Jochelson, *op. cit.*, p. 761 : „общественной организации в смысле племенной или родовой группировки среди коряков не существует. Агнатическая семья есть единственная социальная организация.“
- (¹⁶) Jochelson, *Religion and myths of the Koryak* p. 115, говорит, что у коряков „не только все видимые предметы но и все явления природы рассматриваются, как одушевленные существа. Их жизненный принцип становится существенно антропоморфической идеей.“
- (¹⁷) О влиянии шаманизма на русских см. Фирсов, *Чтения по истории Сибири*, Москва, 1920, в. 1.
- (¹⁸) Фирсов, *op. cit.*, стр. 23
- (¹⁹) Оглоблин, *Две сказки Атласова*, стр. 1 - 18.
- (²⁰) Словцов, *Историческое обозрение Сибири*, Томск, 1886, кн. I. стр. 250 и кн. II., стр. 16. Это издание, имеющее 50 - летнюю давность, в свою очередь воспроизводит другое на 50 лет старше. Словцов, как его называли современники, — Карамзин Сибири.
- (²¹) Словцов, *Историческое обозрение Сибири*, 1886, Кн. I, стр. 750 и Кн. II, стр. 16.
- (²²) Огородников, *Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI — XVIII веке*. Труды Иркут. Ун-та, отд. 1, вып. 1. 1921, стр. 97.

- (²³) Крашенинников, *op. cit.*, т. II.
- (²⁴) Дитмар, *Поездки и пребывание на Камчатке в 1851 - 1855 г.* стр. 423 и 436
- (²⁵) Кеннан, *Степная жизнь в Сибири*, СПб. 1871.
- (²⁶) Петри, *Антропология*, СПб, 1890, т. 1, стр. 146.
- (²⁷) Н. В. Кириллов, *Санитарная обстановка и болезни полярных стран (преимущественно сев. вост. Азии)*, СПб, 1908, стр. 31.
- (²⁸) С. М. Широкогоров, *Этнос, исследование основных причин изменения этнических и этнографических явлений*, Шанхай, 1924, стр. 82 и 86
- (²⁹) См. мою статью : *Камчатское туземное население, как культурно - экономический фактор, Сев. Азия*, 1925, кн. 5 - 6, где обсуждается вопрос о действительности его „вырождения.“
- (³⁰) В. Г. Богораз, *Подготовительные меры к организации малых народностей, Сев. Азия*, 1925, кн. 3, стр. 47 - 48.
- (³¹) *Сев. Азия*, 1925, кн. 3, стр. 111.
- (³²) Greely, *Handbook of Alaska*, 1908, p. 176 & 186.
- (³³) Н. А. Крюков, *Канада, сельское хозяйство в связи с другими отраслями промышленности*, СПб, 1897, стр. 130 и 333.
- (³⁴) Greely, *Op. cit.*, p. 202
- (³⁵) Сведения, сообщенные Э. В. Нельсоном, начальником американского Bureau of Biological Survey.
- (³⁶) Дмитриев, *Северное оленеводство и его экономика, Сев. Азия*, 1925, кн. 5 - 6, разбирая план Наркомзема по оленеводству, указывает на неосведомленность его авторов. Но его собственные расчеты на 10.000.000 оленей в будущем весьма проблематичны.

- (³⁷) „Туземный вопрос“ в связи с колониальной политикой рассматривается в моей статье: *Колониальная система на Севере*, Вольн. Сибирь, Прага, 1930.
- (³⁸) Районы Д. В. края, Хабаровск, 1931, приложение: *Национальные округа*.
Более подробные сведения, по переписи 1926 - 1927г., есть в статье Е. П. Орловой, *Коряки Полуострова Камчатки, Сев. Азия*, 1929, кн. 3. Эта статья не дошла до автора.
- (³⁹) По записям Рыбовского составил свой словарь *Ignacy Radlinski, Słownik narzecza koryakow wschodnich*, Lwow, 1894.
Сравнение коряцкого и чукотского языка сделал L. Radloff, *Ueber die Sprache der Tschuktshen und ihr Verhältnisse zum Koryakischen, Mem. de l'Acad. de sciences*, 1861. р. III, No. 10.
- (⁴⁰) Н. Я. Марр. *Яфетический Кавказ и третий элемент в созидаии средиземно морской культуры*, Петроград, 1920, стр. 40 и 44.
- (⁴¹) S. M. Shirokogoroff, *Ethnological and linguistic aspects of the Uralo - Altaic hypothesis* Peiping, 1931, conclusion: р.р. 187 - 190.

S U M M A R Y

The study of the Koriaks' tribe is interesting from several points of view: anthropologically, so far as they represent dolichocephals of North Asia (p. 9), while brachycephalism is characteristic of their southern neighbours; ethnologically, so far as here, near the North Pacific, migrations from Asia met with those from America, and in the cultural complex of the Koriaks there are some elements of the North Asiatic origin and some of the Amerindian one; archeologically, so far as the Neolithic culture (unless the Neolithic man) has survived here, and so this tribe is like a living museum.

Material is accumulated enough to answer these questions: long since (first in the XVIII century), investigators, mostly Russians and some foreigners, have studied this people; the aim of the present contribution is to describe modern conditions of the Koriaks' living and changes which took place here under the Russian influence.

According to recent statistics, this tribe is estimated as 7000 men (p. 10); as compared with their neighbours, for instance, the Kamchadals, this people is by no means extinct. It may be divided into several groups, after areas which they inhabit: Pallana, Ghizhiga, Kamensky, Olutorsky, all of them having ethnographical distinctions; the Koriaks of Pallana represent a contact group which submitted to the Kamchadals' influence.

There is a great difference between the nomadic and settled Koriaks, who are characterized by reindeer and dog breeding respectively; besides, the nomads are hunters, while the settled ones are fisher-folk.

Objects of their hunting are sables, foxes, bears, otters; of fishing — different kinds of the salmon (p. p. 22,23). Means of hunting are more or less modernized: the Koriaks have guns, though old means survive, too: clubs (to kill foxes), traps for small beasts; poison is never used. Means of fishing are much simpler and older: the wooden structure which bars a river is a typical way of catching fish; or fish is caught with a spear harpoon (when there is plenty of it), or even with hands, in a shallow river.

The main industry of the Koriaks is, however, reindeer breeding; they are the greatest reindeer owners not only in Siberia but in the world, their reindeer herd being estimated as 800,000 animals (p. 28). The main areas of this reindeer breeding are the Ghizhiga and Parapol plains in northern Kamchatka, which abound in moss; it is the best food for a reindeer, and though it may be found everywhere in the "tundra," sometimes the herds suffer from its scarcity: when snow is too deep, it is difficult to get moss from below. Infectious diseases often affect the reindeers, and it is another trouble to their owners. In both respects (food and diseases), they are helpless, and their reindeers perish enormously.

Still, it is a valuable industry, for skins (and partly meat) of the reindeers are sold by the Koriaks to the local population; its produce may be estimated as 300,000 G. Roubles (p. 42). The significance of reindeer breeding for the Koriaks is, however, much larger than its market value, for their subsistence entirely depends on it. They eat reindeer meat, and absorb a good deal of it, not very well cooked; strange to say, they do not utilize milk of the rein-

deer. Skins supply them with an excellent stuff for clothing, from the head to the feet, and the Koriaks manufacture it, and even adorn, perfectly. The same skins smoked by fire are used to build the "yourtas," which are roomy enough. Finally, the water-proof cloth is made of the same stuff.

The structure of the Koriaks' society is very simple; there are no traces of the clan system in it, the present clans being a recent innovation created for fiscal purposes by the Russian administration; thus, the family is an only social centre here. All the more, the Koriaks had not a strong tribal organization, and their defeat by the Russians, though after a long struggle, was due to it. The Koriaks' family is based on the father's power, the women's position being entirely subordinate; children are treated by the parents carefully and affectionately. Polygamy is admitted, but is not spread: the maintenance of wives is expensive now. A custom of *evirate* exists: the elder brother's wife, after his death, may marry a younger brother. Some travellers hold that traces of the sexual promiscuity survive among the Koriaks.

As to the régime of property, some collectivistic elements may be stated here: some property connected with sea hunting is in the common possession of a village. A distinction between rich and poor Koriaks is not considerable; the reindeer herd belonging to a Koriak is considered as the property of all his family.

The Koriaks' religion is familiar with a vague idea of the Creator; but its chief figure is Big Raven, the ancestor of the Koriaks, living as a Koriak himself, or travelling and seeking for adventures. He

protects his children, the Koriaks, from numerous evils produced by *kalau*, or bad spirits inherent in nature. Besides, there are many other spirits who fill in nature, being contained in some places, animals, even objects; some of them, such as those of sea mammals, reindeer breeding, bears are very important for the man, and sacrifices are offered to them. The Koriaks cult is very simple: they know few holy places, practise sacrifices (while dogs are killed). Not much attention is reserved to the birth; as to the death, it is accompanied with incineration of a deceased (with his reindeers and clothing). Shamanism as a profession is not developed among the Koriaks, shamans are few and poor; but as the condition of a psychical disequilibrium it is frequently observed here, especially among the women.

There is in the Koriaks' cultural complex another side, due to the Russian influence, which lasts more than two centuries. In the first period of it, the Koriaks met with the Russian conquest, and it was the time of a desperate struggle. Though Russian forces were small, still they could defeat the scattered, poorly armed Koriaks; on their part, the Koriaks rioted not once against Russian governors, because of their pillage in collecting the tribute, and against the Russians generally, because of the rape of Koriak girls. In this period (1649 - 1762) relations between the invaders and aborigines were entirely hostile; hence unfavourable characteristics of the Koriaks by Kra-shennnikov, their first Russian investigator.

Since then the local administration was improved, and the burden of the taxation was alleviated; after one century of the pacification, as Ditmar, another Russian traveller, stated, the relations became

more friendly, but the Koriaks submitted to bad Russian influences, too. Since the middle of the last century they are especially obvious: epidemics and narcotics (vodka, tobacco) are brought by the Russians, and the Koriaks perish by them. The propagation of Christianity also influences the mental equilibrium of the tribe. However, all these agencies, owing to the Koriaks' geographic seclusion, are not so efficient as to produce the extinction of this tribe: the Koriaks are as numerous as formerly, and their area is still large.

It is questionable whether they need an improvement of their living: they are prosperous enough, except cases when their reindeer breeding is suffering from diseases; here a help is necessary. "The assistance committee for the northern tribes" was established at Moscow, which has local branches, and special institutions, "cultural bases," were founded by it in aboriginal centres; the Koriaks have it in Penzhino. Functions of such a basis are numerous: administrative, educational, medical, technical; it aims to raise the cultural level of the tribe. A plan for development of reindeer breeding is drawn up, which provides the investigation, veterinary help and support of this industry. As yet those activities were more announced than realized, however.

The Koriak language reveals the same features which may be found in the whole cultural complex of this tribe: heterogeneous elements, some American, some Asiatic, coexist here. It is characterized, on one hand, by prefixing, polysynthetism and incorporation, which are proper to Amerindian languages; on another hand, it is a suffixing language, and the so-called

harmony of vowels is stated here, which is characteristic of Uralo-Altaic languages. Now, what may be affinities of the Koriak language? Polysyllabic languages are known not only in North America but in South Asia, too; as to Uralo - Altaic languages, it is doubtful that such a family exists, and such a qualification of the Koriak language is all the more doubtful; indeed, it is a very peculiar North Asiatic language, which, owing to its richness, is willingly spoken by the Koriaks' neighbours, too.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие

Введение — Происхождение коряков	стр. 1
I. Племя коряков, их быт и промыслы	„ 7
II. Камчатское оленеводство	„ 25
III. Общество и мировоззрение коряков	„ 43
IV. Русское влияние на коряков	„ 56
V. Улучшение быта коряков	„ 71
Заключение — Строй коряцкого языка	„ 84
Примечания	„ 89
Summary	„ 93

ZBIORY SPECJALNE

BIBLIOTEKA
UNIwersytecka
GDAŃSK

918430

TABLE OF CONTENTS

Preface

Introduction — Origin of the Koriaks	page 1
Ch. I. The Koriak tribe, its life and trade... ..	„ 7
Ch. II. The Koriaks' reindeer - breeding... ..	„ 25
Ch. III. Society and religion of the Koriaks	„ 43
Ch. IV. Russian influence on the Koriaks	„ 56
Ch. V. Improvement of the Koriaks' living	„ 71
Conclusion — Structure of the Koriak language... ..	„ 87
Notes	„ 89
Summary	„ 93

